

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

СЕРЖАНТ И КАПИТАН

Иван Коновалов

Любимый детектив

Иван Коновалов

Сержант и капитан

«ВЕЧЕ»

2019

Коновалов И. П.

Сержант и капитан / И. П. Коновалов — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7849-9

Выпускник факультета журналистики МГУ и бывший сержант Российской армии Никита Корнилов без всякого желания, но под давлением обстоятельств становится частным детективом. Против него весь мир. Но сила духа, самоирония и чувство юмора помогают ему выбраться из самых сложных и запутанных ситуаций. Будь то история, связанная с белогвардейским кладом или с убийством на журфаковском дворике.

ISBN 978-5-4484-7849-9

© Коновалов И. П., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Сержант и капитан	5
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Иван Коновалов

Сержант и капитан

Сержант и капитан

Бронетранспортер разведвзвода наехал на фугас. Неожиданный взрыв большим фейерверком поднял вверх стальную корму бронемашины, и весь ее десант повалился кто куда. Отползая, десантники стреляли в черный злобный лес. Лес отвечал не менее озлобленными пулеметными очередями. От взрыва у бронетранспортера отскочили задние колеса, и теперь он стоял, как детский пластмассовый паровозик с отломанными колесами, и слабо коптил. По его камуфлированному железу искристо барабанили пули. Справа из люка механика-водителя появилась абсолютно сизая безвольная, как будто о чем то просящая рука, и исчезла. Контужен водитель. Комвзвода разведки сидел, прислонившись к колесу подбитого бронетранспортера, циркулем раскинув ноги, его камуфляж на правой стороне груди быстро темнел от крови.

Вражеский пулеметчик рубил из небольшого леска у дороги короткими точными очередями, не давая поднять головы. Второй БТР дал задний ход, поливая огнем невысокий, покрытый густым кустарником, глинистый косогор. На левом фланге стрелял и все время мазал снайпер. Взрыв прямо перед передними колесами. Мимо. Бронемашина ушла за поворот.

Десантники, заняв все ближние канавы и воронки, начали отстреливаться. Сержант Никита Корнилов пополз вдоль кювета направо со всей возможной скоростью, насколько позволял бронезилет, богато черпающий еще не высохшую вязкую светло-коричневую апрельскую грязь. В руке он сжимал снайперскую винтовку СВД. Никита знал, что одного выстрела будет достаточно. Еще пятьдесят метров – и силы с громким хрипом все вышли наружу. Никита поднял голову. Боевики и федералы взаимно рыхлили землю автоматными очередями. Молодая зеленая трава и прошлогодние желто-бурые листья летели во все стороны, как грязное конфетти неудавшегося праздника. Похоже, он вне сектора обстрела. Но это лишь на доли секунды. Сейчас его заметят. Сержант вскинул винтовку и приложил правый глаз к прицелу. Повезло. Он увидел перебегающий за кустами силуэт. Интуитивно почувствовал, что это пулеметчик. Меняет позицию, хотя это неважно. Никита плавно спустил курок, целясь в середину. Силуэт резко упал, как будто налетел на стену. Сержант тут же спрятал голову назад в кювет, закинул винтовку за спину и пополз с максимальной скоростью в обратном направлении. Место, где он был секунду назад, взлетело клочками к небесам.

«Духов» было, наверное, не больше десяти. Один выстрел – и им показалось, что их левый фланг под угрозой. Начали отходить. Огонь с их стороны стал стихать. Справа разведчики тут же стали перебегать через дорогу и исчезать в леске. Там вспыхнула отчаянная пальба, но вскоре прекратилась. Преследование в лесу могло обернуться еще одной засадой. Разведчики вышли к дороге, волоча за ноги Никитину жертву. Пулеметчика легко было узнать по сильно протертому ремнем и промасленному камуфляжу на правом плече. На правой руке заскорузлый указательный палец подогнут на постоянную стрельбу. «Давно воюет, а вот мне пора завязывать», – подумал Никита, провожая взглядом бывшего противника. Сунул руку в нагрудный карман за сигаретами, все они были сломаны.

* * *

Он вернулся с войны в дождь за день до начала мая. Сержанту Корнилову было двадцать семь лет. Два года назад он окончил почти с отличием факультет журналистики МГУ и в тот же день понял, что журналистом быть не хочет. Это случилось летом. Прошел год, очень денеж-

ный и очень суматошный. В поисках себя Никита ввязался в несколько авантюр, заработал денег, купил квартиру почти в центре и в день ее покупки понял, что и бизнес не для него. Это опять случилось летом. И тем же летом случилась война в Дагестане, которая потом плавно переместилась в Чечню. Никита два дня смотрел телевизор в своей новой квартире и думал. На третий день пошел в военкомат и подписал контракт. Теперь он вернулся домой. Ему нечего было делать. Это случилось совершенно неожиданно.

Апартаменты на Лесной улице рядом с знаменитой Бутырской тюрьмой. Планировка там, может, и бездарная, но зато все удобства во дворе. Охрана двух видов – бабушки с дедушками, служившие в Бутырке и ВОХРе и теперь бдительно охраняющие подступы к ней, милиционеры, призванные охранять покой этих бабушек и дедушек. Словом, оазис безопасности.

Желто-грязная башня, в которой, по слухам, сидел сам Емельян Иванович Пугачев, за высоким забором из красного кирпича, выщербленного каблуками пытавшихся бежать арестантов, и осыпавшейся доисторической штукатурки, с умилением смотрит на них. Незатейливый традиционный советский орнамент из колючей проволоки поверх стены дополняет ансамбль. Монументальное братство.

За много месяцев отвыкший оставаться в одиночестве, он не смог усидеть дома и пошел в бар. Все смотрели футбол по телевизору. Случайно бармен переключил на новости, а там мощный взрыв в центре Грозного. Никита узнал Юрку-сапера из второго взвода. Тот стоял на краю воронки и с ненавистью смотрел в объектив телекамеры.

– Тебе что, делать нечего?! – захлопали посетители вразнобой. Бармен в панике переключил на спортивный канал.

Надо начинать искать работу. Становиться журналистом согласно полученному два года назад диплому – эту мысль Никита отбросил сразу. Когда он подписал контракт, поставил на себя клеймо для бывших сокурсников – «идиот». У Никиты на курсе было много приятелей и всего один друг, Митя Позднеев. Они вместе учились в телегруппе. Парень с отличным чувством юмора. И даже он, хватаясь за голову, твердил:

– Ты что делаешь, кретин? Ты выпадаешь из обоймы. Из телевизионной обоймы. Оглянись, сейчас конец 99 года. ТВ-программа открывается за ТВ-программой. Что там говорить, канал за каналом открывается. А мы только начинаем путь в этом бизнесе. Отличных мест с отличной зарплатой все больше и больше. Но карьеру нельзя делать потом, ее надо делать сейчас, сию минуту, тем более на телевидении. На телевидении надо каждый день доказывать, что крутой, там былых заслуг не помнят. А ты хочешь вернуться неизвестно когда, это при условии, что тебя не убьют, и кому-то оказаться нужным. Вернешься и будешь ненавидеть тех, кто карьеру, пусть небольшую, но сделает. Одумаешься, погонишься за ними вслед, но будешь всегда отставать.

Никита не стал с ним спорить, потому что мотивы своего поступка он не хотел объяснять, боясь показаться смешным. Сейчас ему уже казалось, что он просто сделал так, как ему хотелось. Митя, проработав на телевидении около года, в журналистике так и не зацепился. Его отец делал большие деньги в строительном бизнесе. Деньги эти столь велики и легкодоступны, что Митя не нашел в себе сил отказаться от отцовского предложения – не заниматься ерундой, а идти к папе в помощники и создавать династию. Ныне Митя – сам большой человек, свою фирму имеет, но Никиту не забыл. И даже письмо однажды прислал на Ханкалу, обещал по возвращении ему помочь устроиться.

Бывший сержант Корнилов набрал телефонный номер строительной компании «Империал-комфорт» и сообщил о своем прибытии личному секретарю Позднеева Дмитрия Сергеевича. Через час секретарь перезвонила и назначила на завтра встречу. О том, удобно ли бывшему сержанту назначенное время, вопрос задан не был. Тон девушки был величественный и совершенно безапелляционный. Никита не обиделся, ведь он достаточно долго был на другой планете. А здесь время бежало быстрее, и нравы изменились.

Пробыв на войне в общей сложности девять месяцев, Никита один раз был командирован в Москву на пять дней. Никому не позвонил, ни с кем не встретился. Он приезжал к Даше. То есть тогда он еще не знал, что едет к ней. Он не мог пойти к друзьям, чувствовал, что будет неправдоподобен в своих рассказах о войне, до которой никому нет дела. Боялся напиться, сорваться на крик, набить кому-нибудь физиономию.

Он надеялся, вернувшись в Чечню, до конца выжать из себя ту жуткую самовлюбленность и гордыню, которую дает человеку, читавшему запоем Камю и Хемингуэя, возможность держать безнаказанно оружие в руках и стрелять во врага или того, кто кажется врагом. Начинаясь казаться сам себе богом. Или дьяволом. С такими мыслями хорошо в банду. Никита хотел остаться человеком, но пока не готов был к этому.

Был конец сентября... Еще почти лето. Единственное время года, когда Никита прощал Москве все. Лето меняет Москву. Зимой большие кучи соленого снега наводят страшную тоску. Серые ветки серых деревьев, тянущиеся к серым рассорившимся коробкам домов, как руки покойников. Нет желания выходить из дома. Но каждое лето Никита гордился тем, что живет здесь. Не мог понять, почему, но гордился. Виновата то ли зеленая листва, каждый раз неожиданно примиряющая хрущевки, сталинские монументы и старинные особняки, то ли ежегодный мирный договор, заключаемый от полноты чувств москвичами и иногородними. Зимой они вновь ненавидят друг друга. В Москве, как нигде, каждым летом жизнь начинается заново.

Никита сидел на скамейке и наблюдал за гуляющей вокруг Патриарших прудов публикой. Потихоньку оттаивал. Когда он увидел Дашу, ему показалось, что она шла прямо на него. Она была красива, как все девушки на улице, когда на улице тепло и когда ты недавно оттуда, где походку от бедра не увидишь, а сплошь короткие перебежки зигзагами и пластунские купания в грязи.

Изящная длинноногая походка, надменный взгляд, уголок язычка увлажнил безукоризненно подведенные, чуть полноватые губы. Бронзовый загар. Черные волосы с каштановым отливом. Стрижка короткая, стильная. Лицо самоуверенной дивы. Глаза Никита не успел рассмотреть, она надела темные очки.

Он сидел метрах в двух в стороне, но она прошла точно через него. Теперь Никита вдвойне жалел, что вернулся. Этот длинноногий образ будет преследовать его даже в Шатое или Итум-Кале. Он встал с намерением идти домой. Тряхнув головой, словно стараясь вытряхнуть из нее все, что он сейчас видел, Никита вышел на Садовое кольцо и побрел домой.

И неожиданно увидел ее за чугунной оградой, сидящей в открытом кафе в сквере Театра Моссовета. Заказал пива и лицо спрятал в пену по самые глаза. Она медленно ела ванильное мороженое, глядя в одну точку. Потом повернула голову к Никите и сказала:

– Молодой человек, напрасно вы меня преследуете. Не похожи вы на гоблина, слюна до пола не течет. На что вы рассчитываете?

Никита попытался спрятать в пену и глаза, но ничего не вышло. Его голос звенел от напряжения, но Никиту не предал:

– Рассчитываю провести несколько дней, что остались до отъезда, с толком.

– То есть?

– Простите, хотел сказать что-нибудь сверхискрометное, да не получилось. Не всегда у меня с девушками получается попасть в нужный ритм. Каждый раз у вашей сестры свой интеллект. Самый разнообразный. От СПТУ номер семнадцать до Скловской-Кюри и Жорж Санд.

– У вас богатый опыт и, похоже, вы не врете. Садитесь за мой столик. Бросая друг другу изящные выпады через весь бар, мы пугаем местную публику.

Никита пересел вместе с пивом за ее столик. Когда, где-то между ночью и утром, они оказались у Даши дома, посетив до этого все, что можно посетить, если тратить на каждое заведение по полчаса, она сказала, что Никита что-то скрывает. Никита не признался что.

Через три дня отпуск закончился. Никита так и не разобрался, влюбился он в Дашу или нет. Про нее он тоже ничего не понял. Только в последний день он сказал ей, куда уезжает. На Дашу это не произвело никакого впечатления. Более того, она не поверила:

– Такие, как ты, не сражаются на войне. Я думала, ты придумаешь что-нибудь поинтереснее. Ты слишком умен, чтобы не бояться смерти. Посмотри на себя. Образован, интересен, можно сказать, красив. И ты убиваешь людей? Ты ходишь в камуфляже, или как там это у вас называется, ты обвешан всей этой военной трюхлой – бронежилетами, гранатами, патронташами, обоймами, ножами в ножнах и пистолетами в кожаных кобурах? Не надо производить на меня впечатление, ты сделал для этого достаточно.

– Даша, я возвращаюсь туда, куда мне надо вернуться. И мне все равно, веришь ты в это или нет. Ты позволишь позвонить тебе, если я вернусь?

– Ты не умеешь врать, Никита, либо здорово прикидываешься. Вернись и позвони обязательно.

После она резко закрыла дверь. Никита постоял в нерешительности и поехал воевать.

Пробыв три дня вместе, они отказались от своих имен, избрав кодовые. Банальные и бездарные, но бесконечно родные для неожиданно встретившихся мужчины и женщины. Никита ее называл Моя Девушка, Даша его – Мой Парень. Они называли так друг друга, когда ему удавалось позвонить из Чечни по спутниковому телефону заезжего журналиста. Она наконец поверила, что он на войне. Но в самую войну не поверила. По телевидению эта война была похожа на хождение ненужных людей в ненужные места за ненужными проблемами. Такой бездарный сериал. Даше казалось, что Никита там, где убивают по приказу телепродюсеров. И в чем-то она была права.

За несколько месяцев спутникового общения создалась целая терминология. Три десятка различных более или менее интимных наименований животного (зая, ласточка, волчонок), эстетского (бездарность, хундертвассер, черный квадрат) и иногда милитаристического (одинокий рейнджер, псих контуженый!!!) происхождения.

Даша думает, что она писательница. В каком-то смысле она права. Написала три любовных романа за восемь месяцев. Слезы, сопли, измена, преданность, верность, встречи, расставания. Псевдоним Любовь Несчастливая. Все тиражи разошлись неплохо и, как подозревал Никита, в основном благодаря псевдониму. Его она там тоже два раза описала и каждый раз со смертельным исходом. Первый раз Никиту бессмысленно убили в конце романа в зимнюю стужу где-то в маленьком чеченском селении. Второй раз в начале книги он сам, уже в Афганистане, подорвал себя гранатой, не желая сдаваться в плен моджахедам. Оба эти эпохальных события были описаны в письмах Никитино боевого друга к главной героине.

На что Никита возразил, что, во-первых, по исторической хронологии Афганистан должен быть первым и к тому же он там не был, во-вторых, раз романы любовные, то почему он вечно пролетает мимо секса. Даша без тени обиды заметила, что Никита ничего не понимает в современном книжном бизнесе. Что читают ее книжки домохозяйки, обалдевшие от безделья, или пассажирки метро, одуревшие от духоты и толкотни, и им все равно, где и когда убили второстепенного героя, главное – любовные страдания героини. А появляться в ее книжках он будет и дальше – уж больно типаж хороший. Неправдоподобный в своих мушкетерских убеждениях, густо приправленных приобретенным на войне цинизмом. И она в восторге от этой своей собственной литературной находки. Ошибку она учтет и будет каждый раз давать Никите разные имена. С сексом сложнее. Его будут убивать всегда очень быстро и безумно романтично, так ей хочется. А в сексуальном плане придется ему довольствоваться исключительно услугами писательницы.

– Что же, это меня вполне удовлетворит по возвращении, – отвечал Никита беззлобно по спутниковому телефону.

И вот он вернулся. Страх заполз внутрь. У нее другая жизнь. У нее могут быть мужчины. От женщин можно ждать чего угодно. Цивилизация, город, общество быстро ставят тебя на место. Боязнь быть смешным, непонятым, чересчур пафосным быстро превращается в страх. Страх, побежденный на войне, начинает вновь управлять тобой. Или ты заключаешь со страхом сделку. Никита нашел в себе силы позвонить:

– Это я. Можно приехать?

Она затихла на той стороне провода. Никита не предупреждал о своем приезде. Через короткую паузу она выдохнула:

– Конечно. Я жду тебя.

Никита знал, что что-то детское, человеческое, что-то самое важное, самое родное для нее, то, что она прятала так глубоко в себе, он так и не раскопал.

Позвонил в дверь, заранее готовый к тому, что откроет какой-нибудь бородато-очкастый гений пера и видеокамеры под грохот Qweep и крикнет, увидев Никитин камуфляж (специально надел): «Дашка, ты что, спецназ вызывала?!» Но она открыла одна. Стояла в одном тоненьком халатике. Глаза ее были полны слез. Она взяла Никиту за руку, ввела в коридор, обняла и медленно сползла вниз, крепко сжимая, словно пыталась счистить с его формы всю эту чертову военную грязь. И тоненько-тоненько заплакала. Никита стоял, как главная статуя острова Пасхи, и комок в горле чуть не задушил его.

– Ты больше туда не поедешь, ты больше туда не поедешь, ты больше туда не поедешь, – она уже не плакала, обняв Никитины заострившие колени, а молила. Не его, а статую, которая не знала, что сказать.

– Не поедешь!!! – уже со злобой крикнула она и заехала изо всех сил прямо по коленной чашечке.

Без звука, хотя орать очень хотелось, Корнилов рухнул на спину. Букет желтых роз упал рядом, а бутылка «Асти Мондоро» раскололась с жалобным хлопом в боковом кармане разгрузки. Даша тут же оказалась сверху, пытаясь расстегнуть все крючки, пуговицы и молнии камуфляжа. Их слезы смешались. Ее косметика измазала их обоих. Помадные клоунские рты не могли расцепиться. Потекшая тушь нарисовала на лицах модернистские полоски и точки. Она целовала отчаянно и как-то совсем неумело.

Дней за двадцать до этого Никита лежал, вжимаясь до последнего в маленькую канавку на раздолбанной спортивной площадке в шестом микрорайоне Грозного. С четвертого этажа девятиэтажки отстреливался невидимый пулеметчик. Как он туда попал и зачем ему нужна была эта стрельба, что он хотел доказать и в кого целился, Никите было все равно. Стрелок был обречен. Федералы его зажали со всех сторон. Скоро все должно было кончиться. Вскоре десантники подогнали самоходку «Нону», она осколочно-фугасно плюнула из своего короткого ствола в сторону окна на четвертом этаже, и шоу кончилось. Ни окна, ни бородатого шоумена.

В этот раз, в этом самом уютном и родном коридоре на свете, вставать не хотелось. Но они поднялись, опираясь друг на друга. Грим от Славы Полунина. Вылитые Олег Попов и Карандаш. Уже не плакали, теперь смеялись. Даша, держась за грудь и давясь смехом, показывала в сторону кухни, не в силах сказать что-нибудь. Там стол, на столе чайник, а может, и бутылка, а может, и еще что-нибудь. Никита понимающе кивал и подтягивал неуклюже штаны. Даша уже скрылась в кухне, когда он, сделав первый шаг, снова опрокинулся, на этот раз с воплем и вперед головой.

– Что случилось, любимый? – прошептала Даша из кухни.

– Ничего. Это я так пространство преодолеваю. Ты там готовься к встрече космонавта. А я пока спланирую в ванную.

Оставшееся до ванной пространство он преодолел по-пластунски. Привычно и безопасно. Глянул в зеркало – не лицо, а карта боевых действий. Черные кривые – дороги, красные точки – очаги сопротивления, зеленые разводы – местный ландшафт, и решительные стрелы непонятного цвета – направления атак.

Утром Даша, провожая, предупредила:

– Сегодня ребята у меня соберутся. Я хочу, чтобы ты присутствовал и вел себя соответствующе.

– Это как?

– Молчал, вздыхал, смотрел задумчиво вдаль, пригублял водку, не напиваясь. Словом вел себя, как подобает ветерану. И главное, никого не бил, хотя вел себя агрессивно.

– Кудряво. Даша, я с Кавказа вернулся, не из киношного Вьетнама. Ладно, сыграю какую-нибудь комедию.

Дома он спал. Вечером вернулся к Даше. Еще поднимаясь по лестнице, услышал крик:

– Что ты мне своим Кандинским талдычишь. Кандинский, Кандинский. А Миро?! Миро с его голубыми закорючками, точками и загогулинами?! А?! Ша...!!!

Затем что-то рухнуло. Видимо, оратор. Но без стеклянного звона. Эти ребята, по рассказам Даши, так любят бить посуду в доказательство своей правоты. И потому они же сами отработали целую систему сохранения хозяйского сервиза, окон, зеркал и прочей легко бьющейся домашней атрибутики. Если стакан швырять, то мимо, в мягкий ковер, а если падать, то между диваном и стеклянным журнальным столиком. Впрочем, правила существуют для того, чтобы их нарушать.

Открыла Даша. Чуть выпившая, раскрасневшаяся. По коридору прошествовал здоровенный детина викингского вида и заискивающим голосом спросил:

– Даш, где у тебя водка спрятана? Не могу я вашу шипучку пить.

– В холодильнике, Славик, в холодильнике. – Даша сразу приняла хозяйский вид, поправила платье на плечах, – Ну, проходи, Мой Мужчина, жду тебя за столом.

Славику Никита очень не понравился. Надо быть настороже. Типы, влюбленные в хозяйку дома, опаснее всего после третьего стакана. Причем тут два варианта – либо он приглашает выйти на лестничную площадку для окончательного выяснения отношений, либо влюбляется заодно и в предмет хозяйкиной любви, и это самое страшное. Чтобы успокоить такого, надо на брудершафт выпить все, что есть в доме. А потом в ночной магазин бежать, а он заглохнет и будет перезапускаться раз за разом:

– Ты знаешь, как я ее люблю, нет, не знаешь, потому что ты не понимаешь, что такое настоящая страсть. Да я для нее даже убить могу. И вообще, что она в тебе нашла. Но ты мне тоже почему-то нравишься... Давай выпьем за дружбу!!!

В гостиной кроме отошедшего Славика, не считая Никиты и Даши, было еще человек десять. Девушек вроде больше. Журналистки, невооруженным глазом видно. Эмансипированы, кажется, не чересчур. Атмосфера была эстетически накалена. Смешиваясь с винными парами, она все больше электризовывалась. Словесная эквилибристика, искрометность ума, удачные обороты – вот что важно. А потом они воруют друг у друга удачные перлы, чтобы вставить их в статью или рецензию.

– Разрешите представить, Никита Корнилов – солдат и проповедник, – показала Даша в его сторону, – Проповедует благородство, честь и здоровый цинизм.

Никита скромно поклонился. Общество как-то приосанилось. Разговор зашел о том, что он знал слишком приблизительно, – о галерее госпожи Пэгги Гуггенхайм в Венеции. Как выяснилось, все кроме Никиты там были и совершенно обалдевали от подбора коллекции.

– Полет мысли, резкость, дерзость, ненависть к стереотипам – вот что заставило Пэгги создать эту коллекцию, – с фанатизмом доказывал свою точку зрения парень в зеленой рубашке.

– Но ведь Хундертвассер в Вене круче! – перебило его смелое замечание. – Там один за все отвечает. Сам нарисовал, сам себя промоутировал, сам построил свой собственный музей, а потом отвалил в сторону Тихого океана и поселился то ли в Австралии, то ли в Новой Зеландии. А так, те же точки, закорючки, полосы и блямбы. Но Хундертвассер в одиночку сделал свое дело, как супермен. Незабвенная же Пэгги Гуггенхайм просто собрала в одну кучу то, что другие супермены от искусства – Кандинский, Миро, Малевич, Поллак – растеряли по всему миру по пьянке или по нищете. Так кто же круче?

Никита на всякий случай начал готовить спич о Дали и Пикассо, изо всех сил вытаскивая из подсознания ночные кошмары этих двух великих испанцев. Но лучше молчать. Они все равно знают больше. Славик присел рядом, дал стакан, в котором было водки на два пальца и лед:

– Дружище, выпьем лучше, чем слушать этот бред.

Никита решил играть от обороны, временно контратакуя:

– А девушки? Хочешь в их глазах выглядеть дураком? Включайся в дискуссию!

Славик тут же полез в кучу с криком:

– Ты Пэгги не трогай!!!

Даша прыснула смехом, как апельсин соком. Махнула рукой и удалилась в сторону кухни. Никита слушал с интересом и больше всего боялся, что начнут спрашивать про войну, но, к счастью, искусствоведческая тема не менялась. Он больше грел стакан, держа его обеими руками, чем пил. Вид же соорудил соответствующий, как просила Даша. Девицы с пониманием бросали на него незаметные оценивающие взгляды. Никита улыбнулся непроизвольно доброй, застенчивой, давно забытой улыбкой, девицы начали бросать на него взгляды с удвоенной скоростью. Надо дать понять им, ради кого Никита здесь. Он поставил стакан с виски и вышел на кухню. Даша уже намастерила огромное количество бутербродов с ветчиной, сыром и зеленью. Он подошел и сзади обнял ее за плечи. Она тут же резко повернулась и прильнула к нему. Немного отстранившись, посмотрела ему в глаза.

– Понимаешь, пока тебя не было, случилось кое-что. Я встретила человека, хорошего человека. Еще не разобралась, как к нему отношусь. Тебя не было, и все шло само собой. Цветы. Свидания. Теперь ты здесь, и я не знаю, что делать.

Никита еле сдержал гримасу отвращения. Как банально. И все же лицо его выдало. Даша все поняла, но продолжала обнимать его.

– Ведь ты никогда не говорил мне, что любишь меня. Я думала, мы просто встречаемся. Ты любишь меня?

Никита помолчал секунду и ответил:

– Оставь меня ночевать, и я подумаю. Кстати, его нет среди гостей? А то напьюсь, и выйдет конфуз.

Его голос был спокоен, ровен и неприкрыто злобен. Даша повернулась к кухонному столу, снова занялась бутербродами и ответила, не поворачиваясь:

– Он и не может тут быть. Это вечеринка друзей, он бы меня смутил. Он хочет устроить мою жизнь, а я думаю, позволить это ему или нет. А ты сказал пошлость, но я сама хочу, чтобы ты остался. Это я решила сразу, как только ты позвонил. Сейчас, пожалуйста, иди к гостям.

Никита отпустил ее и вышел. Через две минуты ко всем присоединилась и Даша. Они сели рядом. Славик все время пытался объяснить компании и, прежде всего, Никите, преимущества домашних кинотеатров. Никита плохо представлял, что это такое, но подтверждающе кивал.

– Мы все еще в хвосте мировой цивилизации. Не DVD домой покупать надо, а полный комплект искусственной реальности, – басил Славик, тыкая большим пальцем в лицо своему другу, компьютерщику по имени Боря, который размахивал насаженным на вилку соленым огурцом и как дирижер управлял речью Славика, в особо удачных пассажах деля ответный

выпад вилок прямо в физиономию друга. Девушки спорили о телевидении. Крыли последними словами какое-то новое телешоу, всех телеведущих до одного, особенно тех, кто читает новости, и с трепетным придыханием произносили аббревиатуру НТВ. Никита иногда смотрел телевизор в Чечне и немного понимал суть дискуссии. Тема постепенно менялась. Девушки переключились на горячие точки. И вот заветный вопрос:

– А вы, Никита, что думаете о чеченской теме на нашем телевидении? Как ребята, кто там воюет, относятся к новостям и телепрограммы о себе?

– Давайте проще, девчонки, – отшутился Никита. – Без обид. Никакую войну нельзя показать по телевидению во всей красе. Командование не допустит. Поэтому и обсуждать нечего.

И чтобы девочки не обиделись на жесткие слова «сурового воина», Никита перешел на курьезы боевых будней. А ведь бывали действительно невероятные происшествия.

Во время следования колонны по горной дороге, с пролетающей мимо «вертушки» выпала пустая банка «Пепси» и попала прямоком по каске капитана Познякова. Батальон уходил в горы на месяц. Но капитан Позняков был молод и горяч. Он запомнил бортовой номер вертолета и подобрал эту банку. Через месяц он вернулся с гор, полный желания засунуть эту жесть тому, кому надо, туда, куда надо, и как можно скорее. На аэродроме в Ханкале капитан нашел эту вертушку, нашел ее командира, держа банку наготове... И что же? Командиром оказался его школьный друг. Они не виделись двенадцать лет. Вот это была встреча. Полк и эскадрилья гудели. С тех пор Позняков утверждал, что его друг очень меток и специально попал этой банкой ему по голове. Чтобы привлечь его внимание.

Таких историй много и не все они правдивы, не все интересны, иногда не смешны, но Никита давно заметил, что военные байки и анекдоты всегда популярнее, чем истории о смерти, которых он помнил намного больше, но не хотел рассказывать никогда.

Потом Никита станцевал безо всякого желания подряд не менее пяти медленных танцев. Девушки авансов не выдавали, но периодически смотрели прямо в глаза. Как Даша на кухне. На нее все это время Никита старался не смотреть.

И, кажется, компьютерщик Боря понял, что что-то не так, первым начал прощаться, потянув за собой уже совершенно невменяемого Славика, который не желал уходить ни под каким видом и бессвязно славил домашние кинотеатры. Когда наконец гости ушли, он и она не знали, что делать. Молчали. Он очищал стол от бутылок и тарелок. Она наполняла посудомойку. Это было как-то по-домашнему, словно они давным-давно настоящая семейная пара и понимают друг друга с полуслова. А ведь это одна из картинок будущей счастливой жизни, которые представлял себе Никита там, в горах. Да только картинка оказалась в картонной рамке, непрочной. Его вина – он эту картинку представил, а Даше о ней не рассказал.

Никита никак не мог решиться войти в спальню. Даша крикнула:

– Смелее, сержант! Ссориться завтра будем!

Утром он ушел, когда она еще спала.

* * *

Подходя к своему подъезду, Никита увидел на лавочке своего единственного соседа среди обитателей дома, которого он знал в лицо и по имени, – Филиппа Арсеньевича. Вернее, по ногам. У него нет то ли одной ноги, то ли обеих, Никита никогда не присматривался. Сидит он целыми днями на лавочке, смотрит с тоской на тюремную бутырскую стену и философствует. Арсеньевич еще при Сталине служил в органах, но никогда не признавался, где точно и чем занимался. Современная жизнь его раздражала.

– Вот скажи мне, Никита, – спрашивал обычно он, – что есть жизнь человеческая?

– Суета и маразм, Филипп Арсеньич.

- Мал ты еще. Жизнь есть духовная субстанция, помещенная внутрь физической.
- Это в нас, что ли?
- В вас...

После этого Филипп Арсеньевич переходил обычно на глагольный посконно русский стиль с многочисленными предложениями «в» и «на». Никита любил его слушать. Он – единственный объективный критик нашей непростой эпохи, хотя какие эпохи простые. Вместе с Никитой Филиппа Арсеньевича слушают местные кошки и коты. Он за это угощает их часто валерьянкой. Его бабка пить ему не разрешает, а с собой на лавочку дает всегда пузырек с настойкой. Для успокоения его философских буйств. Но Арсеньевич валерьянку отдает котам, а за бутылкой посылает кого-нибудь из соседей. И сидят Арсеньевич с котами до позднего вечера, общаются и ведут умные беседы.

– Никита! Вернулся, сосед?! – Арсеньевич даже попытался приподняться. Он был действительно рад.

- Вернулся.
- Это хорошо. Мы победили?
- Смотри телевизор, Филипп Арсеньич. Там все объяснят.

В голосе Никиты не было ни тени злорадства, и Арсеньевич это понял:

– Правильно, не наше это с тобой дело – политика. Живой – это главное. А настроение? – понимающе прищурился Арсеньевич.

– Честно скажу, не разобрался.

– Ну, солдат, ты иди, поспи, а вечером подходи, потолкуем. Хотя тебе сейчас не до стариковских разговоров.

Никита пообещал прийти, если сможет.

К одиннадцати утра к подъезду подъехал черный «мерседес-320». Никита вышел, сел в него и помахал Арсеньевичу. Тот уважительно сделал костью «под ружье». Никита благоклонно склонил голову.

Синяя форменная фуражка на голове шофера заставила Никиту сделать уважительный медленный кивок, шофер, сам чувствующий себя «шофером миссис Дейзи», самодовольно ухмыльнулся, но на всякий случай заметил:

– Выдали. Что мы, хуже других?

Митин офис на Сивцевов Вражке. Когда они подъезжали, Никита увидел человека на ступенях офиса, который ему очень не понравился. Что-то среднее между чернорабочим и министром путей сообщений. Кажется, не успеешь уследить, как он возьмет лопату и кирку и начнет укладывать Байкало-Амурскую магистраль, и при этом будет командовать самим собой. Целеустремленный, как памятник Юрию Гагарину. Руки вытянуты назад, как у лейб-гвардейского офицера. Широкое, но чуть вытянутое лицо. Волосы русые, уже с небольшой проседью на висках, зачесаны назад. Никита вдруг понял, что это Митя. Как сильно он изменился в сторону вечности. А ведь ему всего двадцать шесть.

Не изменились глаза. Крупные, пронизательные, но посаженные чересчур близко к носу, они, как всегда, портили общее впечатление. В целом Митя выглядел как большой босс.

На ступенях офисного здания они встретились, обнялись и пошли беседовать. Дмитрий пребывал в отличном расположении духа:

- Ну что, Никита, много народу убил, удовлетворил свое собственное эго?
- Ого. Каким языком ты заговорил. – Никита искренне удивился.
- Люди меняются. Мир меняется. Ты намерен меняться?

Именно такой разговор Никита и представлял:

– Намерен. Мне нужна работа и хорошие деньги. Кто, кроме тебя, Мить, даст мне и то и другое одновременно?

– Никита, ты не юродствуй и запомни: я – начальник, ты – подчиненный с перспективами.

– Согласен. Но имей в виду. Если перспективы мне покажутся оскорбительными, я тебя пошлю так далеко, что ты сам удивишься.

Мите это настолько не понравилось, что он хотел махнуть по инерции своим телохранителям. За матовым стеклом входной двери маячили Томми Ли Джонс и Уилл Смит – черные костюмы, черные очки, черные галстуки, белые рубашки.

– Да, нервы ты себе там основательно расшатал, но на будущее старайся держать себя в руках и не хамить старшим по званию. – Митя оставался спокойным. – Помни, здесь твои военные заслуги признаю только я, на остальных они впечатления не произведут. И сейчас я один раз, всего один раз, попрошу, заметь, попрошу дать мне слово не пререкаться со мной ни при людях, ни без людей, и не показывать всем своим видом, что мы друзья. Когда надо будет, я сам это покажу. Давить на тебя не буду. Дашь слово?

– Даю. Что я должен буду делать? Я в строительстве ни бельмеса не понимаю. Так, покрасить чего-нибудь или поштукатурить, хотя второе у меня хуже получается.

Митя нахмурился и постучал себя по виску:

– Видишь, седею, криминала в нашем бизнесе сейчас много. И нам угрожают, и мы иной раз... Я тебе доверяю, и ты вернулся с войны с дубленой кожей. Вот твои козыри. Все остальное ерунда. Начнешь с общего ознакомления, будешь контролировать наши объекты строительства, входить в курс дела. Но старайся все это делать с умным видом. Должность назовем незамысловато – советник по вопросам безопасности. Платить буду хорошо. При случае дашь совет или поможешь в какой-нибудь щепетильной ситуации. Ну, как тебе расклад?

Никита поморщился, но тут же улыбнулся:

– В целом неплохой расклад. Не очень нравится понятие «щепетильная ситуация». Но в наше время они случаются сплошь и рядом, так что будем пытаться их решать. Деньги нужны. Я тебе благодарен.

Митя удовлетворенно хмыкнул и потер руки:

– Здравый смысл и здоровый цинизм тебе не отстрелили. Рассуждаешь верно. И так... – Он посмотрел на часы. – Мне пора. Сегодня пятница. У тебя почти три дня на разграбление города. Так что в понедельник жду тебя здесь же в девять утра. Машину не пришлю. Извини, свои могут неправильно понять.

Они встали, пожали руки. Затем Митя сел снова в свое кресло, а Никита пошел к двери.

– Когда-нибудь расскажешь, как там было? – спросил осторожно новый начальник в спину. Никита, не ответив ни слова, вышел. Он намеренно оставил между ними небольшую дистанцию. Дмитрий остался хорошим другом, это он понял, но без этой небольшой дистанции он может начать зарываться.

Выйдя на улицу, Никита решил напиться. Напиться основательно, потому что с понедельника он намерен пить, только подчиняясь обстоятельствам. И с понедельника – новая жизнь, в черном костюме и белой рубашке.

Начал Никита с текилы. Но ее пришлось отставить и перейти на пиво «Корона». Текила, как и водка, требует быстрых рывков и быстрых глотков. С пивом есть время подумать и рассудить правильно. Но, перемешав текилу с пивом, Никита вообще временно утратил способность мыслить и не заметил, как оказался на улице. Быстро вдохнув на Тверской несколько бензиновых выхлопов и чуть-чуть свежего воздуха, Никита немного пришел в себя. Он решил немного пройтись и успокоиться. Свернул в Газетный переулок и пошел какими-то дворами, не разбирая дороги, по направлению к Новому Арбату.

По пути попала детская площадка. Захотелось покачаться на качелях. Никита удобно расположился в сидухе, взялся руками за холодные железные поручни и оттолкнулся ногами от земли. Москва бодро закачалась. Кремлевские звезды то падали вниз, то взлетали вверх. В полете качались деревья и дома, а через несколько минут к ним присоединились несколько темных фигур. Они стояли, перекосившись в разные стороны, как раскоченные ветром столбы,

и беззастенчиво глазели на Никитины взлеты и падения. Пришлось остановиться и спросить, что им, собственно, надо.

– Слышь, Карандыч, – сказала одна фигура другой, – по-моему, ты не прав, у этого парня с настроением все нормально.

– Заткнись, – ответила другая фигура, – я меланхолию за километр чую. Что, парень, прав я или нет?

На фоне деревьев и полуслепшего фонаря виднелись еще два персонажа, но они безмолвствовали, пытаясь удержаться на ногах. Итого четверо.

– Не прав. У меня не меланхолия, а временная депрессия, вызванная алкоголем и одиночеством. И я ее сейчас разгоняю.

– Одна хреновня, – констатировала главная фигура и спросила: – Мож, нальешь от щедрот душевных, раз сам мучаешься?

– А вы кто?

– А мы – павшие дальше некуда и всеми презиаемые.

– За такое изложение просьбы вы заслуживаете удовлетворения ваших чаяний. – Никита прыгнул с качелей, подошел к боязливо отпрянувшим фигурам и протянул главному деньги. – Только, чур, уговор. Пить будем вместе и не на улице. Вы здесь все знаете, ищите двор или подвал. Расскажите, как жизнь московская протекала без меня.

– Идет. – Главный бомж с достоинством принял деньги и передал их своей шестерке:

– Тырич, ждем здесь. На все бери, и закуски не забудь человеческой, денег, чай, дали нормально. Не одни употреблять будем, с уважительным человеком. И хоть рубль попробуй затырить, тут я тебе твою кличку не прошу.

– Обижает, Карандыч, что я, без понятий совсем, что ли. Ждите ровно пять секунд.

Невысокий, похожий на разжалованного товароведа Тырич снял порванный твидовый пиджак, остался в довольно приличной синей джинсовой рубашке, достал из кармана аккуратно сложенный пластиковый пакет, стряхнул слишком заметную нищету и принял вид среднестатистического покупателя.

Никита в слабом фонарном свете попробовал рассмотреть бомжовского атамана. Ростом выше среднего, не старый еще, на удивление, относительно чисто выбритый. Мутные глаза хитро блестят из-под натянутой ниже бровей бейсболки с надписью CNN international. Атаман тоже рассматривал Никиту, потом спросил:

– Где ж ты, парень, время проводил? На казенных харчах?

– Промахнулся.

– О! Понял! Ветеран! Был на той стороне добра и зла. Воевал и горд собой!

Никита взял главного за шкирку:

– Закрой свой рот и делай, что обещал, а не то я разозлюсь.

Атаман присмирел и сказал рассудительно, четко и красиво выговаривая слова:

– Вы, молодой человек, меня неправильно поняли, я вовсе не хотел вас обидеть. Необходимость по ряду обстоятельств общаться с людьми низкого положения испортила мои манеры совершенно непростительнейшим образом. Когда-то я был совсем другим человеком, многие из нас были другими.

Он многозначительно поднял палец к темному небу. Никита и раньше общался с подобной публикой, и сейчас ему как раз захотелось послушать псевдоумные сермяжные разговоры этих опустившихся, вечно пьяных и немых философов. К тому же вдруг отчаянно захотелось позвонить Даше.

– Нет, – почти крикнул Никита.

– Что нет? – Карандыч и его соплеменники отпрянули от неожиданности.

– Ничего, это я про себя, случайное воспоминание. – Никита ткнул пальцем мимо Карандыча. – Ага! Вон, Пырич ваш бежит, спотыкается, увешанный добычей.

– Не Пырич, а Тырич, – осторожно поправил Карандыч. – Ты уж имена не путай. Он свое имя заслужил. Даже из Елисеевского выносить умудряется. Нужный в нашем кругу человек. И сейчас, поди, прихватил чего-нибудь сверх твоих денег.

Тырич тяжело и радостно дышал, подергивая объемистыми пластиковыми пакетами в руках и притоптывая, как сноровистый конь в предвкушении предстоящей выпивки.

– Ну, друзья мои, пойдете вкусить этих даров с нашим новым другом, забыл спросить, как тебя зовут... – оборвал себя на полуслове Карандыч.

– Никита Корнилов.

– С нашим новым другом Никитой, который только что прибыл с боевых действий и не желает об этом вспоминать. А мы настаивать и не будем. Посидим, поболтаем, выпьем, закусим. Ну что, братва, ко мне двинем или подальше? В моих апартаментах, я думаю, менты беспокоить сегодня не будут.

Соратники ответили согласным мычанием, и вся компания двинулась. Никита чувствовал, что пьян, и в то же время ощущал удивительную ясность ума и был готов к диспутам.

Шли совсем недолго. Пару кварталов. Апартаментами Карандыча оказался четырехэтажный дом дореволюционной постройки, выселенный и готовый то ли под реконструкцию, то ли под снос. Карандыч называл его своим не только потому, что часто ночевал здесь. История намного причудливее. Карандыч рассказывал ее Никите по пути. Еще четыре года назад он жил в этом доме, в своей собственной двухкомнатной квартире. И супруга была. Оба учительствовали. Был сын. Он погиб. Его пырнули ножом какие-то подонки в день, когда он получил университетский диплом и шел домой после студенческой попойки. Это случилось недалеко, на Новом Арбате. Вскоре жена умерла. Сгорела за год. Карандыч запил и пьет до сих пор. Как-то случайно пропил квартиру, в пьяном угаре подписал какие-то бумаги каким-то хорошим людям и не заметил, как оказался на улице. Когда дом выселили, он решил ночевать и принимать гостей в своей бывшей квартире.

– Нет, бог на свете есть, что ни говорите, и он справедлив. Ведь я вернулся все-таки туда, где прожил счастливо больше тридцати лет, – говорил он, поднимаясь на второй этаж и ласково похлопывая по грязным перилам.

Никита же старался не задеть плечом стену или батарею ногой, чтобы не измазаться. Цементная пыль, потеки грязи, опилки, полужастывшие пятна олифы... В квартире было холодно, со стен свисали рваные обои, но пол был достаточно чистый. Окна законопачены и заклеены черной бумагой, чтобы свет не просачивался и не привлекал стражей порядка. Стол на кухне, застеленный свежими газетами, три табурета.

– Напоминаю, удобства на улице или, если уж невтерпеж, в квартирах этажом ниже, – сказал Карандыч, обращаясь больше к соратникам, нежели к Никите.

Быстро накрыли стол, нарезали колбасу, ветчину, сыр и хлеб, открыли банки с маринованными огурцами, кабачковой и баклажанной икрой. Почистили пару больших селедок. Тырич с гордостью лично вскрыл три банки шпрот, украденные сверх данных денег. Карандыч подмигнул Никите. Сели и разлили водку по чистым стаканам. Чтобы их помыть, Тырич специально украл маленькую бутылочку минеральной воды без газа. Хозяин предложил Никите сказать первый тост, и тот, неожиданно для себя, согласился. Он сказал просто:

– За то, чтобы всем нам было куда вернуться. И неважно, когда.

Общество оценило и выпило, не закусывая. Потом следовал тост за тостом. За победу советской власти, за одновременное исчезновение всех покрышек на всех милицейских колесах, за один час пропавших продавцов и охранников во всех продуктовых магазинах. Тырич так прямо и сказал:

– Да. Я думаю, что мы всего за один час обеспечили бы себя жратвой и выпивкой и после никого бы не беспокоили, и проблема бездомных в Москве была бы решена на один год точно.

Карандыч заметил, что Тырич утопист. И Тырич ответил, что учителю рисования, конечно, виднее. Поймав Никитин взгляд, Карандыч пояснил:

– Был учителем геометрии и, по совместительству, рисования. Потому и кличка Карандыч, от слова карандаш. Ты, Никита, не удивляйся нашим нравам. Вот смотри, Викторыч, – он указал на одного из не обозначенных ранее, – бывший прапорщик Советской армии, тоже жизнь скрутила, вертанула и обрушила. Тебя-то тоже не пожалела. Сам-то среди нас не боишься оказаться? Убогих и сирых?

Никита утвердительно и пьяно мотнул головой:

– Боюсь.

– Так ты не бойся. Ты не окажешься, не тот ты человек. Ты волк, только книжек много ненужных прочитал, потому и мучаешься. Ты и на войну поперся, чтобы доказать не кому-нибудь что-нибудь, а себе одному, без свидетелей, весь смысл жизни без остатка. Найти и доказать. Нашел?

Никита честно признался, что так все и было, но ни смысла, ни правды он там не нашел. И себе ничего не доказал, что всего обиднее.

Про последнего члена компании Карандыч рассказал, что он такой бомж, что на него пробы ставить некуда, и вообще пошел он к черту. Ни биографии у него, ни желания жить. Козел пролетарский.

– Карандыч, х-х-х-хороший ты человек, но скучно мне с вами, пойду я, – изрядно выпивший Никита привстал, с трудом опираясь на стол.

– А ты постой. Правильный ты парень, таких теперь редко встретишь. Тебе с нами не интересно, и это хорошо. Но за то, что ты по-человечески с нами повел себя сегодня, за то тебе большое человеческое спасибо. И хочу, Никита, за простоту и человечность твою подарить тебе одну штуку из прошлого, которая пролежала в этом доме в деревянных перекрытиях гораздо дольше, чем я здесь жил.

Карандыч с ловкостью обезьяны залез на табурет и начал рыться на антресолях. Спустился вниз с чем-то, обернутым в ветхозаветные материи. Спустился и вручил Никите.

– Вот, бери. Это дневник одного стоящего человека. Он погиб давным-давно. Я читал эту тетрадку и понял, что для того, у которого сил хватит и на приключения, и на путешествия, она в самый раз. Вручаю ее тебе и рекомендую прочитать внимательно. Очень внимательно. Потому что твоя фамилия Корнилов.

Никита развернул тряпье, похожее на застиранные фланелевые портянки, и увидел средней толщины тетрадь в плотной синей кожаной обложке. Он открыл ее. Строчки хорошо читались, но он не мог разобрать ни одной. Пьяные глаза разбегались в разные стороны. Буквы прыгали, наталкиваясь одна на другую, и пытались бежать. Никита закрыл тетрадь:

– Зачем мне это барахло? Какие приключения? О чем ты говоришь? С меня хватит приключений с путешествиями!

Карандыч качнулся, пьяно вдохнул-выдохнул и попытался сформулировать:

– А ты почитай ее, почитай...

Никита уже был сильно пьян, но сверток взял. Промычал что-то неопределенное и вышел. Еле спустился вниз по лестнице, качаясь во все стороны, задевая все и вся и мараясь обо все, что можно. Сначала не понял, где находится, и долго стоял, пытаясь прислониться к тонкой гнущейся рябине, и в забытии терял равновесие, потом сориентировался и пошел по направлению к дому.

* * *

Никита проснулся рано утром на полу в своей прихожей в полном обмундировании. От холода он укрылся половиком. На груди лежала тетрадь в кожаной синей обложке. Прошлая

ночь мгновенно восстановилась в оперативной памяти мозга, но картинки слегка дергались. Не вставая с коврика в прихожей, Никита снял с вешалки кожаную куртку, подложил ее себе под голову и открыл тетрадь. Выцветшие строчки больше не прыгали.

30 сентября 1919 года. Курск. Несколько месяцев я не был на фронте, лежал в госпитале в Екатеринодаре, где был потерян мой прежний дневник. Потом был в отпуску в Ольгинской. Сейчас снова в строю и готов драться.

Полк мой – Третий Марковский – собран из вернувшихся после излечения офицеров, таких, как я, и молодых необстрелянных юношей. Собрали нас на основе 9-й роты Первого офицерского генерала Маркова полка. Еще находясь в госпитале, я узнал о формировании Второго Марковского, а возвращаясь из отпуска на передовую, получил назначение в Третий Марковский.

Старики добровольцы встретили приветливо. Не было ни одного, кого бы я не знал и кто бы не знал меня. Среди них – мой старый друг Дима Бочкарев. Еще в Великую войну на дуэль из-за одной медсестры друг друга вызывали. Тогда нас разняли, а после австрийцы пошли в наступление, наши ударили в ответ. После захлебнувшейся атаки меня, контуженного, прапорщик Бочкарев полтора часа на себе тащил под огнем, да и то не в ту сторону. Попали мы с ним в болото, едва не захлебнулись. Это он мне потом рассказал. Я в сознание пришел только в госпитале. С тех пор и подружились. В Марковском полку мы вместе служили в той самой девятой роте.

– Господа, разрешите представить вам моего дражайшего друга, которого вы все хорошо знаете, поручика Корнилова Ивана Павловича, коего тем не менее я два раза пытался убить. Первый раз – сознательно, второй – из самых лучших побуждений, – с этими словами Дима Бочкарев приветствовал меня на первой за много месяцев офицерской попойке. Не дав открыть мне рта, Дима без тени иронии добавил: – Незабвенному командующему нашему Лавру Георгиевичу Ваня не родственник ни по какой линии.

«Корнилов»! – отодвинул Никита дневник. Вот почему Карандыч отдал ему эту тетрадку.

Командир полка полковник Наумов Антон Семенович предложил мне временно командование взводом.

– Всего на пару недель или меньше. Я точно знаю, что приказ о вашем повышении уже подписан и в ближайшее время я его получу. И после, друг мой, дам вам роту, – прибавил он.

Это меня даже обрадовало. Очень не хотелось отвечать за бесконечные смерти, которые начнутся, как только мы вступим в бой. Как рассказали старики, полк сколотили быстро, боевой подготовкой почти не занимались за отсутствием времени. Командование полка само по себе, батальоны сами по себе. Все, что делали, это укрепляли боевой дух – убежденно объясняли, зачем мы воюем и с кем мы воюем. В сентябре полк смотрел генерал Кутепов, оценил внешний вид полка как блестящий. А старики ворчат, что в ротах сплошной необстрелянный молодняк, нет команды разведчиков, пулеметы в двуколках вместо тачанок. По их мнению, просто сколотили нечто, и пусть это нечто отправляется затыкать дыры на фронте. Вот мы и едем. Скоро будем на месте. Ординарец мой, ефрейтор Семечкин Федор, сказал знаменательную фразу:

– Истинный крест, Иван Павлович, за Москву они горло нам раздерут.

Они – это большевики. И он прав. Им, как и нам, отступать некуда. Федор со мной с Великой войны. Как случилась революция и все запуталось окончательно, мы были на Румынском фронте. Я предложил Семечкину присоединиться к бушующей солдатне:

– Иди, Федор Терентьич, они тебе измены не простят.

Он собрался, суетясь, выправился во фронт, отдал честь и вышел из хаты, где я квартировался. Я уже решил, что отправлюсь на Дон к генералу Корнилову. У солдат шел буйный митинг. Мое исчезновение из полка было совершенно не замечено. Я забрал санитарную дву-

колку и ехал не торопясь, по мягкому молдавскому тракту, когда через три версты верхом догнал меня Семечкин. Поравнялся с двуколкой и сказал:

– Нет, Иван Павлович, как хотите, но боле я в этот вертеп не ходок. Лучшее с вами неизвестно куда.

Но не удалось нам сразу добраться до своих. Впрочем, о моих с Семечкиным похождениях по большевицким тылам нужно написать отдельный дневник. Слишком много чего случилось. Попали мы к красным. И чтобы не расстреляли, записались в армию красного командарма Муравьева. Сражались с румынами, причем Семечкин был командиром роты, а я его подчиненным. Когда Муравьев разбил румын под Рыбницей на Днестре, я решил, что надо уходить. К апрелю 18-го года наконец добрались мы до Новочеркасска. В мае один-единственный раз видел я нашего командира генерала Маркова. Энергичный, живой, сильный. Он зашел в казарму и поздоровался. Сказал какую-то шутку, которой я уже не помню. Через месяц, командуя кубанцами и донцами, он был убит под Шаблиевкой, а весь наш полк в полном неведении так и стоял в Новочеркасске. Второй раз я видел генерала Маркова в домово́й церкви при Епархиальном училище. Он лежал в гробу. Церковь была полна. Я подошел и отдал честь.

Постепенно, читая дневник, Никита приходил в себя. Столько лет лежала эта тетрадь в деревянных перекрытиях старого дома. Интересно, кто ее спрятал туда? И как вообще тетрадь добралась до Москвы? Логично было бы, если бы она всплыла где-нибудь в Париже, Берлине или Нью-Йорке. Наверное, автор погиб, и дневник взял красный командир на память. Тогда зачем прятать так далеко?

1 октября 1919 года. Происходит что-то серьезное. Похоже, наше наступление захлебывается. Мы высадились на станции Становой Колодезь, что в 20 верстах от Орла по железной дороге, и сразу двинулись на запад. За нами прибудет и 3-й батальон. Здесь – штаб Корниловской дивизии. Теперь будем действовать вместе с ними. Причина проста. С западного направления Латышская дивизия красных вклинилась между Дроздовской и Корниловской дивизиями, захватив маленький городок Кромы. Корниловцы в Орле оказались под угрозой окружения. Будем вместе с ними вышибать латышей из Кром, спасти фронт.

2 октября 1919 года. Наш второй батальон наконец-то столкнулся с латышами. Это был встречный бой. Латыши успели переправиться через Оку южнее Орла. Мы наткнулись друг на друга без особого желания. Латыши явно хотели обойти всех и вся, но столкнулись с нами. Я шел со своим взводом в цепи на правом фланге роты и первым красных не увидел. В небольшом леске началась мощная стрельба залпами. Наши бежали оттуда, отстреливаясь. Командир роты приказал нашим остановиться, несмотря на протесты. Необстрелянная молодежь заволновалась:

– Там наших убивают, господин поручик!

– Заткнуться, господа, – рявкнул я. – И слушать меня, иначе все вы умрете. Хотите?!

Все замолчали.

– Сейчас кавалерия с нашего фланга попытается обойти батальон, мы – его единственное спасение. Приготовиться к отражению кавалерийской атаки!!!

Марковцы собрались кучками, оцетинившись штыками. Вперед выдвинули единственный «максим». Конная атака не заставила себя ждать. Они вылетели из леска без крика, без визга. Латыши – не наши казаки. Отчаянно застрочил пулемет. Я слышал откуда-то издалека только свой голос:

– Господа. Стоять, бить по лошадям, не отходить. Стоять, бить по лошадям, не отходить.

К счастью, кавалеристов оказалось немного – человек сорок. Кого-то мы сбили первыми залпами. Остальные начали нас рубить. На меня налетел здоровенный латыш на кауrom жеребце. Белесые глаза его сверкнули беззлобно, но сосредоточенно и напряженно. Он думал, как меня порубить по всем правилам. В этот момент я поскользнулся в чертовой октябрьской грязи и, рухнув спиной на землю, случайно воткнул штык своей трехлинейки прямо в пузо

каурого. Жалобно заржав, конь завалился на бок, а латыш, проявив удивительную сноровку, прыгнул на меня и хотел вцепиться в горло. Какая глупость. В другой руке я держал револьвер. Я просто приставил его к виску нападавшего и выстрелил. Его отбросило в сторону, и полуза-лепленными его кровью глазами я сумел рассмотреть, как красная конница бежит. Молодняк с воплями гнался за уходящей рысью конницей и стрелял вслед.

– Назад, – заорал я из последних сил. – Держаться позиций.

Через несколько секунд подлетел конный вестовой и крикнул, что батальон весь отходит. Сбирать убитых времени нет. Вот тебе и удержали позиции. Я быстро осмотрелся и крикнул проверить раненых. Семь молодых марковцев мертвы. Несколько легкораненых, а тяжелораненых вообще нет. Все пошли своим ходом. «Молодцы», – сказал я про себя, но вида не подал. Боюсь, впереди у нас бои похуже. Семечкин вернулся назад и снял с красного кавалериста отличный цейсовский бинокль и принес мне. Я взял, но строго пожурил:

– Федор Терентьевич, я тебе всегда говорил, снимай с покойников лишь тогда, когда эти вещи тебе безусловно нужны. У меня же есть бинокль.

Хитрый Семечкин ловко отбил:

– Так и поступлено согласно вашему приказу. Бинокля не сапог, нынче она важнее. Эта лучшее. А вашу послабее на табак обменяю. Ваша бинокля будет сильнее, смотреть вы будете дальше – мы все будем живее.

Отступив, мы подсчитали потери. 125 убитых и раненых – четверть батальона. У красных потери несомненно выше, но разве это что-то решает. Они каждый день подвозят новые войска, а мы только отправляем в тыл раненых и гробы.

3 октября 1919 года. На следующий день мы вернулись на этот берег Оки и посчитались с латышами. Выбили их за реку. Я только бежал, стрелял, кричал. Взвод бежал за мной, пытаюсь делать примерно то же самое. И только когда наша атака закончилась, мы стали собирать тела погибших вчера товарищей. Их было слишком много. Я не смог на это смотреть. Сидел на берегу Оки и наблюдал за тем, как какие-то красные кавалеристы готовят ужин. Потом они тоже расселись по бережку и стали рассматривать меня. Быть центром внимания мне тут же расхотелось. Я встал, выбил пыльную фуражку об колено и расправил плечи. И мне показалось, что кто-то из них помахал мне с того берега рукой. Абсурд!

Вечером сказали, что теперь наш батальон переходит в подчинение 2-го полка Корниловской дивизии. Временно мы больше не марковцы, хотя какая разница.

5 октября 1919 года. Корниловцы оставили Орел. Пока это, конечно, ничего не значит в стратегическом плане. В этой войне и мы, и красные по столько раз занимали и оставляли города и станицы, и снова занимали. Однако знак плохой. Мы выдыхаемся. Выравниваем фронт. Наверное, сейчас Кутепов требует у Май-Маевского подкреплений, а его превосходительство бомбардирует, в свою очередь, Деникина. А тот в ответ разводит руками.

Весь вчерашний день вяло перестреливались с латышами. Приходили в себя после недавней бойни на берегу Оки. Командир нашего батальона капитан Стрелин Александр Викторович старался подбодрить молодых. Он ходил из взвода в взвод и говорил с ними об обстановке на фронте, о том, что положение тяжелое, о том, что они показали себя отменными бойцами и поддержали марковские боевые традиции. Мне поначалу показалось все это смешным, ненужным, неуместным. Стрелину самому от силы двадцать пять, и пять из них он ничего, кроме войны, не видел.

Пропасть между ним, мной, другими стариками и этими мальчишками пока велика. Но еще месяц таких боев – и те из них, кто останется в живых, станут такими же бесконечно усталыми настоящими солдатами.

Когда Стрелин пришел в мою роту и в мой взвод, старые добровольцы ушли, чтобы не смущать его. Я остался по долгу службы, стоял позади комбата, вместе с другими взводными и ротным, и наблюдал за их лицами. Слушали с огромным вниманием. На похвалы радостно

улыбались, те, что из бывших гимназистов и реалистов, даже смущались. Особенно интересно было наблюдать за двумя братьями Евтюховыми. Старшему двадцать, младшему семнадцать. Крестьяне Орловской губернии. Военного опыта, кроме вчерашнего боя, никакого. Пришли в полк сами. Причины того, почему решили присоединиться к белым, объяснили просто:

– Продразверстка поперек горла встала. Подчистую все гребут комиссары. Вот и порешили мы к вам податься. Оно, конечно, в бандиты можно было бы. Да не душегубы мы, чтоб разбоем кормиться.

Все моменты речи командира батальона отражались на простодушных евтюховских физиономиях.

Вечером зашел в хату, где расквартировался поручик Бочкарев, и рассказал ему о своих мыслях. Дима усмехнулся:

– А ты, Ваня, еще и думаешь, размышляешь, травмишь себя рассуждизмами, физиогномистикой занимаешься. Смотри, не застрелись случайно. Давайте лучше выпьем, господин поручик. У хозяина моей гостиницы отменнейший самогон. Чистая слеза. Если не придирается к вкусу, запаху и цвету, то с натяжкой можно представить, что пьешь кальвадос.

В огромной бутылки, которую он достал из-под стола, плескалась вязкая мутная желтоватая жижа. Но на вкус действительно нечто похожее на кальвадос. Подошли поручик Казначеев и капитан фон Лангер. Казначеев – взводный в бочкаревской роте. Фон Лангер – помощник командира батальона. Фон Лангер вручил мне предписание – немедленно отбыть на станцию Дьячье и взять под командование роту в третьем батальоне. Быстро полковник Наумов выполнил свое обещание.

– А это вам, господин капитан, ваши новые погоны. Теперь вы больше не поручик, разрешите вас с этим поздравить. Извините, что в боевой обстановке... – С этими словами он отдал мне «построенные» втайне от меня капитанские погоны.

Выпили за мое новое назначение и звание. Потом они сообщили, что завтра на станцию Дьячье прибывает первый батальон полка, там соединяется с уже заскучавшим третьим батальоном и вновь становится полноценным 3-м Офицерским генерала Маркова полком. Затем выдвигается на позиции.

– А это неспроста! Помяните мое слово, господа. Орел сдан, но это не конец наступления на Москву. Через несколько дней снова пойдем вперед, и на этот раз сломаем красным хребет. И так сломаем, что никакой большевицкий хирург не соберет, – выпив, заявил фон Лангер и раскатисто рассмеялся. Капитан фон Лангер всегда был редким оптимистом и, кроме того, считал, что у него отличное чувство юмора. Мы его никогда не разубеждали в этом. Человек, в сущности, он был неплохой, к тому же он всегда первым узнавал последние новости. Насчет наступления он, скорее всего, прав.

Я почувствовал, что захмелел после одного стакана. Такое со мной редко случается. Видимо, сильно устал за эти дни. Разговор не клеился. У всех было разное настроение. Бочкарев, впав в меланхолию, молчал и пьяно улыбался. Капитан и поручик болтали без умолку, не перебивая друг друга. Замолкал один, тут же начинал говорить второй. Вспоминали, как они веселились месяц назад в Таганроге. Барышни, пиво, шампанское, вечеринки, синематограф. Казначеев начал пересказывать последнюю фильму Веры Холодной. Это было уже слишком. Я поддерживал разговор недолго, и, сославшись на необходимость завтра рано отъезжать, пожелал всем скорой победы, обнял поручика Бочкарева.

Пока шел до своей избы, прислушивался к звукам, которые были слишком невоенными. Где-то перекрикивались часовые. Залаяла собака. Ни пушечной канонады, ни отдаленного таканья пулемета, ни одного выстрела. Это я называю тишиной. А тишину за последние годы я совершенно разлюбил. Она стала слишком непривычной.

7 октября 1919 года. Перед отъездом построил свой взвод, сказал, что должен ехать, что они были молодцами в последнем бою, и что я верю в них, и что сожалею, что у нас не было

времени узнать друг друга. Но добавил, что не исключено, что они вновь могут оказаться под моим командованием. Пути Гражданской войны неисповедимы.

Станция Дьячье. Полк собрался как боевая единица. Два батальона – 1-й и 3-й. Славно. И артиллерия теперь своя есть. Настроение даже у меня улучшилось. Наша новая задача – занять оборону на широком фронте между Окой и правым флангом Дроздовской дивизии. Сегодня писать что-то не хочется. Пришел в 3-й батальон, он был расквартирован в теплушках, и принял свою роту у поручика Иванова. Его переводили в запасной батальон. Тяжелая форма чехотки. Мы перебросились всего несколькими незначительными словами.

Ничего не меняется, в этой роте тоже одни мальчишки-студенты и крестьяне, с десяток пленных красноармейцев. На 120 человек всего 10 старых добровольцев. Унтер-офицеры и фронтовики Великой войны. Некоторые знакомы мне. Фельдфебель Сидоров Семен, георгиевский кавалер, удовлетворенно погладил нафабренный ус, увидев меня, и заметил:

– Ваше благородие, Иван Павлович, помните меня под Кагальницкой? Ловко вы тогда краснюка прикололи, что мне в спину целился. Разрешите сказать, что рад служить под вашим началом.

– Помню, Семен Аркадьевич. Надеюсь на твою помощь с молодыми.

– Да вы не сумлевайтесь, парнишки толковые.

Запомнился на станции один дед. Такой бородатый и древний, что, наверное, видел наше-ствие Наполеона. Стоял в стеганом рваном полушубке и валенках, с надетыми от грязи лап-тями, среди всей этой железнодорожно-солдатской суеты и продавал папиросы. Утверждал, что табак Асмолов № 7. Я поверил и купил у него россыпью три десятка и спросил:

– Как дела, дедушка?

– Дела как у всех, ваше благородие, ждем, – шамкнул дед в бороду.

– Чего ждете?

– Когда вам убивать друг дружку надоест.

– Смело говоришь. Мы же за правое дело бьемся. За освобождение России. Неужели ты, мудрый старый человек, этого не видишь?

– Я много чего вижу, – прищурился дедок, – да тока то ж самое мне один красный коман-дир говорил, зараз, за денек до вашего прихода. Моя вера мертвая, мне все равно скоро поми-рать. Одно скажу, господин офицер. Вы святого креста не сняли, и в том, может, ваша правда. Сражайтесь, покуда сил хватит, если мириться никак нельзя.

– Нельзя.

– Не повезло вам. – Дед безнадежно махнул рукой и побрел, хромя, в сторону прибывающего нового эшелона.

8 октября 1919 года. Получен приказ – перейти в настоящее наступление на Кромы. Во фланг обходящей собравшихся под Орлом корниловцев красной ударной группе. Сейчас мы знаем, что кроме латышей в этой группе червонная кавалерийская бригада и бригада Павлова. Хороший офицер, знал его еще по Великой войне. Капитан лейб-гвардии Волынского полка. И я капитан. Смешно. У него бригада, и он теперь красный генерал, а у меня рота.

Латышской дивизией командует генерал Мартусевич, Южным фронтом красных – полковник Егоров. Бывшие. Ничего не понимаю.

Нет, когда все начиналось, в конце 17-го, многие устали от войны, многие не могли понять, что происходит, метались, многих силой заставили идти служить в Красную армию. Но сейчас конец 19-го. Все точки над «i» расставлены. Бывшим офицерам большевики никогда не будут верить полностью.

10 октября 1919 года. Вчерашним морозным утром наши колонны выступили на Кромы. Колонны шли образцовым порядком, но в нехорошем молчании, без песен, без шуток. Мы понимали, что нас ждет большая кровь. Перед выступлением я разговаривал с ротой о нашем

долге и наших целях. Должен признаться, что получилось так же казенно, как у капитана Стрелина несколько дней назад во втором батальоне.

Шедшие впереди дозоры завязали бой. Батальоны развернулись в боевой порядок и начали наступать на села, прикрывающие Кромы, – Спасское и Добрыня. Навстречу моей, развернутой в цепь, роте из Спасского вылетела цыганская кибитка. Как она там оказалась? Возница бешено хлестал четверку коней и что-то кричал. Два желтых облачка шрапнели рванули прямо над кибиткой. Стальная очередь накрыла ее. Щепки полетели в воздух. Повозка перевернулась. С земли никто не поднялся. Лошадей переранило, но они не упали, а раздернулись в разные стороны и рванули вперед. Постромки лопнули. Четверка понеслась прямо на нас. Мы пропустили ее, расступившись, и не сбавили очень быстрого шага. Заговорили наши трехдвоймовки. Разрывы были видны за селом. Наши били гранатами. Рота приободрилась.

– Скорее шаг, господа, – прикрикнул я.

Весь батальон стремительно наступал. Пулеметы не успевали за нами. Пулеметчики тащили их на лямках и выдохлись до последней степени при выходе на позиции. Мы взяли Спасское на штык. Латыши без паники отступали, умело огрызаясь. Третья рота, шедшая справа, отличилась, потеряла всех офицеров. Ее довел до штыкового удара унтер Матвеев.

Моя рота, слава богу, добежала вместе со мной. Пулеметный огонь красных был кинжальный. Убитых было много. Я видел, как они падали и справа, и слева. Мальчуган Павленко, гимназист лет шестнадцати, полз на коленях, блюя кровью, и премемерно матерился. Я перескочил через него на бегу, крича: «Санитары...», не оглянулся и побежал дальше.

На околице села схватились в штыковую. Узкое пространство между двумя избами. Покосившийся забор справа почти перекрыл проход. Я ворвался туда первым. Латышей человек десять. Бегут на меня. Рослые, в добротных шинелях. Штыки наперевес. Я оглянулся, за мной никого. Пора умирать. Упал на колени и выстрелом в пах первого сбил. Вдруг справа и слева горохом посыпался мой молодняк... Кто-то даже через меня перескочил. Никакого уважения. Догнали меня за доли секунд. Надо бегать медленнее. Целее буду. Они перекололи латышей в два счета, но это был только авангард. Целая рота тут же нас контратаковала.

– В штыки! В штыки! – бешено орал я.

Фельдфебель Сидоров разом бросил на узкой улочке две ручные гранаты. Задело и своих, и чужих. Мои мальчишки вопили что-то несусветное, что-то школьное или гимназическое, как будто лупили циркулями ненавистных учителей иностранных языков. Латыши кричали на своем языке. Старые добровольцы молча работали штыками, стараясь прикрыть меня. Это продолжалось секунды. Красные ринулись бежать в обратную сторону. Преследовать сил не было.

– Отставить преследовать, – вопил я. Мальчуганы сделали в тот момент столько, что я не хотел терять ни одного из них. Пусть наслаждаются победой. Унтер-офицеров в моей роте трое, все георгиевские кавалеры. Молодняк на их попечении. Комвзвода прапорщик Лавочкин восторженно отдал мне честь:

– Вот это атака, господин капитан, вот это атака!

Купеческий сын Аркадий Лавочкин вполне соответствовал своей фамилии и своим практицизмом и суетой за сутки сумел раздражить меня. Он умел все достать и ничего не потерять. Через два часа после моего прибытия в роту уговорил меня сфотографироваться вместе с командирами взводов. Я был удивлен, но на станции Дьячье он каким-то образом нашел заезжего фотографа. Внутренне окрестил его «обозной душой». Но в этой атаке я лично видел двух заколотых им врагов.

Тяжело встав, я проковылял вдоль прижавшейся к деревянным деревенским заборам роты и сказал:

– Не увлекаться. Но за мной!

Мы гнали латышей еще какое-то время, но остановились в двух верстах от Кром. Опять фланги оказались открытыми. Нас могли обойти. Будь у нас чуть больше сил, мы могли бы прикрыть фронт плотнее. Дыры, дыры, кругом дыры по фронту, которые мы заткнуть не можем. Кстати, потери обоих батальонов достигли четверти состава. Пиррова победа.

На следующий день мы атаковали хутора вокруг городка. Тактика нашего командира полковника Наумова продолжает меня изумлять. Два батальона и разрыв в три версты между ними при наступлении. Мы что, играем с красными в поддавки? Городок мы не взяли, и слава богу. Я бы потерял всю свою роту. Пора понять, что красные тоже уже научились бить в лоб. Только мы делаем это молча, а они под пение «Интернационала». Нужен маневр. Ночью латыши ударили, и Офицерская рота бежала в полном составе. Вот это да! Офицерская рота! И потеряли весь обоз.

* * *

Наступил понедельник. Без десяти девять утра Никита Корнилов прибыл на работу. Приехал на такси. В черном костюме, в черном галстуке и белой рубашке. Он еще поднимался по ступеням, когда Митя сам вылетел навстречу в сопровождении охраны.

– Никита, отлично, что приехал раньше. Двинули на объект. Нам его вчера передали под контроль, а вчера, если ты помнишь, было воскресенье. Это многого стоит. Долго за него бились. Хочу, чтобы ты его увидел. Он будет в твоём ведении. Важный дом.

Когда кортеж выехал на Большую Никитскую, а потом свернул во дворы, Никиту окатили неприятные предчувствия. Ему были знакомы эти места. Дом Карандыча в дневном свете казался еще меньше. Четырехэтажный, аккуратный, маленький, желтый. Вокруг него уже был огорожен сетчатый забор. Никита огляделся, отыскивая взглядом Карандыча или хотя бы кого-нибудь из его воинства. Разбитое войско попряталось.

Они прошлись по этажам. Митя отдавал приказания. С перекрытиями осторожнее, чердак не трогать до особого распоряжения, охрана круглосуточная, бомжатины разогнать. И главное, со стороны конкурентов могут быть какие-нибудь акции, например, поджоги. Перекрытия-то деревянные. Прямо в подъезде Дмитрий сказал небольшую речь:

– С сегодняшнего дня за безопасность объектов отвечает вместе с Романом Евгеньевичем еще и Никита Иванович. В вопросах безопасности он имеет право действовать самостоятельно. Прошу любить и жаловать. – Митя царственным жестом указал на Никиту. Но все столпились в лестничном проходе и потому даже головы не повернули.

– Все. Никита, иди домой. Сегодня ты больше не нужен. Свою миссию ты исполнил.

– Пока, – ответил Никита и вышел, не прощаясь. Он присел в детской песочнице. Победители старых стен уехали. Пора ждать появления Карандыча и остальных. Они не преминули себя обнаружить. Карандыч вышел из-за угла. На него было больно смотреть. Разгромленное воинство Карандыча столпилось сзади. Сегодня их было больше. Не трое, шестеро. Ради этого зрелища Карандыч привел весь бомонд. Тырич плакал, немывтым кулаком вытирая глаза, и толкал атамана в бок. В руке его была грязная бутылка с фальшивой этикеткой.

– Выпей, друг, – повторял он, как заведенный.

Но атаман, не отрываясь, смотрел на огороженное ажурной металлической сеткой родное пепелище.

– Карандыч, куда пойдешь теперь? – спросил Никита с виноватым видом.

Не ответив, тот махнул рукой, развернулся прочь. Тырич, все еще хлюпя носом, развел руками перед Никитой: «Мол, извини ты нас, и мы тебя прощаем». Они ушли, и Никите сразу стало легче. Он сидел в песочнице, чертил на сыром песке что-то похожее на скандинавские руны и смотрел на желтый куб дома. Офицерский дневник лежал во внутреннем кармане. Никита достал его и открыл на недочитанной странице.

11 октября 1919. Кромы. Переправы и городок Кромы мы взяли сегодня быстро и почти без потерь. Слева помогли дивизионы Черноморского конного полка. Моя рота даже ног не замочила. Латыши как-то легко ушли. Может, ловушка? Штаб расположился в трех верстах к югу. Мой комбат капитан Павлов сказал откровенно:

– Это ловушка, господа. У нас за спиной река. Весь наш фронт за ней. Мы на выступе, который противник захочет сегодня же ночью срезать.

Он и комбат-1 звонили в штаб и говорили, что удержать пятиверстовый фронт и городок со множеством маленьких улочек невозможно, если будет ночная атака. Они требовали, чтобы командир полка приехал и сам проверил обстановку. Но Наумов требовал одно:

– Город удержать любой ценой.

День. Кромы в наших руках. Я решил немного пройтись по главной улице. Кромы больше похожи на большое село, чем на город, который, как я недавно узнал, старше Москвы. Фельдфебель Сидоров и его земляк и приятель, рядовой Авдюхин Матвей, крестьянин сорока двух лет, были в моем сопровождении. Авдюхин был командиром отделения в красном полку и убежденным сторонником большевиков. В бою под Армавиром Сидоров и Авдюхин столкнулись в лобовой штыковой атаке. Наши сломили красных и погнали их. Сидоров бежал за Авдюхиным с криком:

– Стой, сволочь. Ты что, меня не узнаешь, свояк? Я ж твой сосед, Семен Сидоров.

Авдюхин остановился, повернулся, воткнул штык в землю и сказал:

– Не узнаю, но сдаюсь. Давай поговорим.

Не знаю, что такого красивого рассказал Сидоров про белую армию, но Авдюхин бесповоротно перешел на нашу сторону. Они мне эту историю вместе пересказывали еще после боев под Армавиром.

Кромские обыватели осторожно выглядывали из-за своих заборов. Они понимали, что город нам не удержать, и решили не высовываться на всякий случай. Только в колокольне церкви на холме возле речки били благовест. Священникам нечего терять. Артиллерия увлеченно грохотала где-то справа. По улочкам мелькали серые и черные марковские шинели. Посреди Никитской улицы, что за Дворянским собранием, огромная гоголевская лужа. В ее еще не замерзшей грязной воде плескались серо-белые гуси. Удивительно, что их еще до сих пор не съели.

12 октября 1919 года. Когда вчера днем я писал свои заметки, увидел бегущего ко мне Сидорова. Он кричал:

– Господин капитан, бежите сюда, ей-богу, скорее бежите сюда, что мы нашли...

Шестидюймовый снаряд с мерзким свистом прилетел прямо с неба и ударил по бегущему ко мне Сидорову. Я сразу спрятался под лафет орудия, на котором только что сидел. Дама в синем габардиновом пальто ровняла граблями недавно наметенный неглубокий снежок, с интересом разглядывая меня. Взрывы прогремели один за другим. На месте дамы дымилась воронка в полроста. Грабли пролетели со свистом надо мной, а за ними забор этой дамы, крашенный в розовый цвет.

Отряхиваясь, я поднялся с земли и побежал к воронке, оставшейся от Сидорова. Мне было не до дамы в синем габардине. От фельдфебеля осталась лишь нога в отличном яловом сапоге. Все остальное разлетелось кусочками по обывательским дворам. По-моему, я потерял всякое уважение к смерти. Стараясь догадаться, что он пытался мне крикнуть, я огляделся. Авдюхин лежал ничком у скошенной взрывом калитки. Я перевернул его. Мертвые глаза его невидяще смотрели на меня. Рядом с Авдюхиным валялся небольшой кожаный саквояж. Такие земские доктора носили в чеховских рассказах. Я присел на корточки, открыл саквояж и задумался. Вот это находка!

Ко мне уже бежали. Прапорщик Данилов, командир моего второго взвода, и прапорщик Лавочкин с солдатами.

– Живы, капитан, слава богу, – сказал Данилов, помогая мне встать. – Нам со стороны показалось, что город стал дыбом. Что на этих красных нашло?! Среди бела дня по мирному обывателю. Озверели, всенепременнейше атакуют сегодня ночью. А это что? – Он указал стеклом на саквояж.

– Это необходимо доставить в штаб полка, господин прапорщик, – ответил я сухо и обратился к Лавочкину: – Он тяжелый, прапорщик, пошлите за двуколкой. Срочно. Вы, господин Данилов, оставьте мне одного солдата и пройдите вдоль улицы, посмотрите, не нужна ли кому помощь. Думаю, раненых много. Обывателям помогите по мере возможности.

– Есть. – Он отрывисто козырнул и отправился с солдатами исполнять приказание. Видно было, что Данилов недоволен тем, что саквояж при нем не открыли. Мне тоже было несколько неловко.

Сначала мы положили в подъехавшую двуколку тело Авдюхина. Я закрыл ему глаза и накрыл лицо фуражкой. Честный, хороший воин. Он ведь хотел отдать этот саквояж мне, не спрятал его. И Сидоров тоже. Забираясь в двуколку, я решил, что упустил одну важную деталь. Не обыскал дом, из которого вышли мои погибшие солдаты. Мы стояли прямо перед ним. Дом добротный, большой, с пристройками и флигелем. Высокое крыльцо. Скорее всего, купеческий. Приказал Лавочкину ждать, спрыгнул наземь, положил винтовку, снял шинель и достал револьвер из кобуры. Прапорщик удивленно наблюдал за моими манипуляциями.

– Проверю дом, а вы с возницей будьте начеку, оружие держите наготове. Здесь, – я постучал по саквояжу, – очень важные документы, брошенные красными. Я лично вручу их полковнику Наумову, а вы поможете их довести.

Глаза Лавочкина из удивленных сразу превратились в сосредоточенные. Важность возложенной на него миссии преобразила его.

Я отбросил ногой разбитую взрывом калитку, прошел через двор и хотел постучаться. Но дверь оказалась открытой. На мой вопрос: «Есть ли кто дома?» – молчание. По всему было видно, что хозяева бежали неделю назад, не меньше. Ни икон, ни настенных часов в гостиной. На вешалках в прихожей – никакой одежды. Легкий слой пыли лежал на том, что осталось в доме. Но кое-где пыль была стерта. Значит, саквояж был взят отсюда и до того стоял на видном месте. Ведь им понадобилось не больше десяти минут, чтобы найти его. Значит, кто-то бросил этот саквояж, увидев приближающихся к дому солдат. Я похолодел и сразу вспотел. Значит, этот кто-то сейчас в доме. Он прячется. Это враг! Красные! Я развернулся и замер. В дверях гостиной стоял огромный детина и целился в меня из маузера.

– Стой смирно, офицер, – прохрипел он сиплым прокурренным голосом, – положи пистолет, отступи назад и подними руки.

– Так стоять смирно или отойти? – переспросил я, внутренне матеря себя последними словами.

– Ты еще повыкобенивайся, сука золотопогонная.

Пришлось подчиниться. Из-за его спины вышел еще один. Маленький. Малыш подхватил мой револьвер, наставил его на меня, и, шмыгнув носом, спросил у здоровяка:

– Товарищ Попков, что делать с ним будем?

Товарищ Попков опустил маузер и потер затылок:

– Ладно, Губельман. Пусть зовет своих вместе с саквояжем, там разберемся. Что скажешь, офицер?

– Ну, все, гнида белогвардейская, пошел к окну. – Малыш уже был сбоку и пнул меня неумело под колено. Я был готов к чему-то подобному, сгреб этого мерзавца за шиворот, выставил его перед собой как щит и побежал на здоровяка. Все происходило очень быстро. С бешеным криком малыша: «Попко-о-о-о-в!!!» мы оба врезались в эту тушу. Чекист успел выстрелить. Мы все упали на пол большим бутербродом. Малыш, зажатый между мной и Попковым, только слабо квакнул и обмяк. Свой попал в своего. Я уже слышал дробот сапог по ступеням

крыльца и наотмашь бил по толстой морде чекиста Попкова. Грохот в дверь, и полудетский визг Лавочкина:

– Господин капитан, дверь заперта!!!

Попков выпростал руку с маузером из-под маленького Губельмана, но я успел перехватить ее. Еще один выстрел в потолок. Лавочкин за дверью уже орал благим матом:

– Иван Павлович, бросаю гранату, отойдите от двери.

Попков ударил второй свободной рукой меня так, что я подумал, что Лавочкин бросил гранату. В голове туго бумкнул колокол. Я откатился в сторону и упал спиной прямо на свой собственный револьвер. Схватил его, и мы с чекистом выстрелили одновременно друг в друга. Это было, как удар кнута. Его пуля сорвала кусок гимнастерки вместе с кожей на моем правом плече. Моя попала ему точно в лоб. Он упал, так и оставаясь придавленным Губельманом. Тут же прогремел взрыв. Это прапорщик наконец-то решил бросить гранату. Входная дверь вылетела. Лавочкин в дыму кричал:

– Господин капитан, Иван Павлович, вы живы?

Я рявкнул строевым голосом, чтобы его успокоить:

– Жив, а прочие мертвы.

Он и возница помогли мне встать.

– Что случилось, господи? Кто эти люди? – причитал прапорщик.

– Черт, вы что, не видите, прапорщик! Это те, кто «мы наш, мы новый мир построим...».

Городок надо прочесать серьезно.

В этот момент на втором этаже что-то хлопнуло, мы все бросились наверх. Там были две спальни, и я заглянул под все кровати. Никого. Одно окно распахнуто настежь.

Солдаты обыскали все углы на всякий случай, пока я бинтовал руку. Но ничего не нашли. Пора было отправляться в штаб. Смеркалось. Но не судьба была нам добраться до штаба. Уже совсем стемнело, когда далеко за городом нагнал нас на конфискованной подводе Семечкин, вопя:

– Господин капитан, Иван Палыч, господа офицера скорее просят вернуться. Латыши со всех сторон прут. Мы пленных взяли. Два пулеметчика и пулемет. Они говорят, что у них приказ выбить нас из города.

– Молчи, дурак, – несправедливо оборвал я его. – Лавочкин, разворачиваемся в расположение роты. Не до штаба сейчас.

Мы выехали на северо-западную окраину города. Семечкин оврагами повел меня к роте. Лавочкину я приказал возвращаться и сдать саквояж в обоз под охрану начальнику службы тыла третьего батальона под расписку.

Зарядил мелкий холодный дождь. В овраге поскользнулся и съехал на спине на самое дно. Верный Семечкин прыгнул вслед и тут же начал меня поднимать. Выцукал его матом. На шинель сзади налипло немало грязи. Я пошел по дну оврага, чтобы не терять время, Семечкин, семена сзади, рукой обивал прилипшие к моей шинели комья грязи, приговаривая:

– Да что же это такое. Летом вот воевали люди как люди. По травке пожухлой друг на друга в атаку ходили, и пыряли и стреляли, любо дело. Солнышко светило. Благодать божья. А ноне мы, как землепашцы. По самые ноздри в землице родимой.

– Заткнись ты в самом деле, Федор Терентьевич, – зарычал я на него.

Цепи моей роты лежали в кустарнике. Отстреливались. Не видно было ни зги. Только вспышки частые выстрелов с красной стороны. Их становилось все больше.

– Это капитан Корнилов, офицеров ко мне, передай по цепи, – прошипел я близлежащему солдату.

На правом фланге всю строчили наши пулеметы. На левом, где занимал позиции первый батальон, глухо слышалась стрельба. И мне не нравился ее характер. Палили пачками, такое впечатление, что противники лупят друг в друга в упор.

Командиры взводов быстро собрались на дне оврага. Их доклад был одинаков. Сдержанная наступательная порыв красных невозможно. Они прощупали позиции и скоро нанесут правильный удар. Переправу через речку Недну, которую прикрывает наш батальон, удержать нетрудно. Но как долго – вот вопрос. Связь с первым батальоном потеряна.

– Отлично, все не так плохо, – мрачно пошутил я.

Тут же примчался вестовой от командира батальона. Приказ – отослать один взвод на охрану переправы. Я так и сделал. Дождь усилился. На мне промокло все, от шинели до нижнего белья. Зубы отбивали дробь.

Струи дождя превратились в тугие канаты. Осветительные ракеты взлетали над позициями первого батальона. Их было очень плохо видно в дождевом мареве. Я все понял. Красные ударят туда, по первому батальону. Не я командовал третьим батальоном, но, будь я на месте капитана Павлова, что я мог бы сделать. Ночь. Дождь. Обреченность. Неверие.

Двуколки с солдатами из первого батальона прискакали на нашу переправу с криком, что красные взяли переправу, которую они прикрывали, и что их батальон отходит в полном составе неизвестно куда. Тем временем за темнотой и пеленой дождя красные пулеметные команды подобрались совсем близко и накрыли нас. Их стрелковые цепи без крика приближались. Командир батальона, видя все это, приказал отступить. Морально к отходу были готовы все. Паники не было. Я шел в арьергарде с третьим взводом, прикрывая отступление. Раненая рука нещадно саднила. Холода не чувствовал, мокрая шинель мешала быстро двигаться. Все мы стреляли наугад. Не противник, а какие-то мечущиеся тени на фоне бесконечных вспышек и пулевого свиста. Я кричал:

– Не бежать, не смей бежать! На огонь отвечать огнем! Организованный отход!

Должен отметить, что не только моя рота, но весь батальон действовал умело.

Подшли к переправе.

Латыши рассуждали правильно – на переправе мы будем беззащитны. Одна хорошая штыковая атака – и нам был бы конец. Но они не успевали с нами.

Молодец капитан Павлов. Расставил пулеметные расчеты по периметру и прикрыл отступление. Мы быстро ушли за мост. Латышей, которые бросились за нами через мост, перестреляла Офицерская рота.

Командир батальона приказал следовать на Закромский Хутор. Нервы на последнем пределе. В тот момент, когда мы двигались общей колонной на Хутор, небо осветилось ракетами, и мы увидели бегущую к нам толпу с винтовками наперевес. Кто-то в колонне заорал истошно:

– Красные! Обошли!

Солдаты в панике бросились с дороги. Побежала и Офицерская рота. Мои туда же.

– Куда?! Рота, стой! Перестреляю! – крикнул я, ударил с силой рукояткой револьвера по первой же бегущей мимо меня спине и выстрелил в воздух. Семечкин рядом со мной молча колотил побежавших было прикладом. Такого отборного мата от офицеров я давно не слышал. В Офицерской роте, как я узнал позже, вовсе случился конфуз. Часть офицеров тоже ударилась в панику. Тем, кто не дрогнул, пришлось, мягко говоря, применить физические средства к бежавшим офицерам.

Но это была еще не паника, до настоящей паники оставались секунды. Это была краткая вспышка безотчетного страха. Ее легко можно подавить. Если действовать крутыми мерами. Старые добровольцы, и офицеры и солдаты, знали, что это такое и как с этим бороться.

В итоге разобрались. Беспорядочная толпа, мчавшаяся на нас, оказалась первым батальоном, разбегающимся в разные стороны. Смущение было всеобщим. Сражение закончилось. Не в нашу пользу.

12 октября 1919 года (продолжение). Кроме мы потеряли. Первый батальон потерял пятьдесят человек, наш третий – трех легко раненных. Ничтожные потери, учитывая, что нас вышибали со стратегически важной позиции. Но как оценивать моральное поражение? Они

нас не разбили. Но доказали, что отныне мы будем лишь отступать. О наступлении на Москву можно забыть.

Спать я не ложился. Просто зашел в избу, выбранную для нас Семечкиным, снял шинель, сел на лавку в полном обмундировании и заснул. Через час встал с лавки и вызвал всех командиров взводов. Первый взвод отправил на позиции, остальные в резерве. Потом нашел обоз, забрал безо всякого удовольствия свою находку. Заглянул внутрь, все было на месте. Не ошибся я в Лавочкине. Либо он внутрь и не смотрел, либо я только себя считаю человеком чести.

С саквояжем я отправился к командиру батальона. Рядом с его избой возились связисты. Тянули провод.

Павлов устало приветствовал:

– Капитан Корнилов, благодарю вас за вчерашнее спокойствие вашей роты. Хотите чаю?

Я не отказался. Принесли настоящий, душистый чай и блюдечко с мелко поколотым кусковым сахаром. Это от души. После вчерашней беготни лучшее вознаграждение из всех возможных.

Вошел прапорщик, начальник команды связистов, и доложил, что связь со штабом полка установлена. Павлов посмотрел на меня:

– Вы хотели мне о чем-то доложить. Давайте, пока не позвонили...

Тут же запищал аппарат. Командир полка Наумова интересовался, как настроение в батальоне.

– Начиная с меня, у всех скверное, – ответил честно капитан Павлов. Я подтверждающе закрыл глаза.

Он положил трубку. И я рассказал ему всю историю о саквояже от начала до конца.

– Этого только нам не хватало, – заключил Павлов, выслушав меня до конца. – Что прикажете с этим делать?

Я развел руками.

– Послушайте, капитан, при всей своей ценности, для нас этот баул ничто. Его надо увезти в Ставку. И сделаете это вы. Честно говоря, больше никому это поручить. Вы нашли, вы ее и увозите.

Я согласился со всем, кроме одного:

– А моя рота, господин капитан? Я должен буду ее оставить? Сначала я принял взвод во втором батальоне, затем роту в третьем. Теперь вы мне приказываете исчезнуть из полка. Значит, так, я поеду в Ставку, когда ситуация станет немного стабильнее. Моя рота без меня, конечно, не погибнет, но где вы сейчас найдете для нее командира.

– Хорошо, что вы предлагаете? – устало отмахнулся Павлов.

– Не знаю, мне кажется, лучше всего выкинуть все это в Недну и забыть, от греха подальше.

– Тогда зачем вы мне рассказали обо всем этом?

На фоне того, что происходит с полком, с первым армейским корпусом, с фронтом, с Добровольческой армией, наш разговор казался смешным. Отдавал бульварным романом. Наступление на Москву, в которое мы так верили, провалилось, какие уж тут сокровища. Лишняя головная боль, да и только.

– Я доложил вам, как командиру третьего батальона, согласно субординации. Не прятать же мне свою находку. Или вы думаете, что я на такое способен?

– Не обижайтесь, ради бога, голубчик. – Павлов подлил чаю в мой стакан. – Нервы. Нервы, сейчас у всех нервы. Думаю, вы правы. Вы прекрасный офицер, человек чести и не оставите батальон в такое трудное время. Сделаем так. Вы его не выкидывайте в речку. Пользы от этого пока никакой. Закопайте где-нибудь или спрячьте в каком-нибудь доме. Как в авантюрном романе. Сейчас мы в неопределенном положении. То отступаем, то наступаем. – Он

поморщился, как от кислого. – Но я все еще надеюсь, что обстановка выправится и наступление возобновится. Тогда и разберемся с вашей находкой, и пользу от нее получим. Вы же будете знать, как ее найти. Ну а обернется дело против нас и вышибут красные наш корпус за Дон и дальше, или вы будете убиты в бою, так по крайней мере большевикам она не достанется. Как вам мой план?

Я помедлил с ответом.

– Детство вспомнил. Стивенсон, Буссенар, Мэрриэт, Жаколио. Мальчишкой бредил дальними странами, зачитывался этими их книгами. Коралловые острова, злобные пираты, благородные искатели приключений. Никогда не думал, что буду закапывать настоящий клад.

Я встал, надел фуражку, приложил руку к козырьку:

– Разрешите исполнять.

Павлов поднялся, пожал мне руку и тут же склонился над картой:

– Да, и побыстрее. И сразу в роту, голубчик. Будьте готовы к любым действиям.

13 октября 1919 года. Ночь прошла спокойно. С небольшой перестрелкой прошел и день. Оба батальона отвели к станции Дьячье. Шесть рот оставили перед станцией для прикрытия, в том числе и мою, в деревне Зиновьево. Усталость такая, что даже офицеры ее не скрывают, что уж про солдат говорить. Неохотно выходят в боевое охранение. Послал двух рядовых в разведку, Мальцева и Плотицына. Оба бойцы со стажем. Присоединились к нам год назад. Были в Красной армии, под Армавиром сами перешли к нам, даже в плен не попадали. Смелые были люди. А что сейчас? Стоят, с ноги на ногу переминаются, глаза прячут и твердят, что видели красных, и все. Для таких сообщений и в разведку ходить не надо. О том, что случилось два дня назад, я больше решил не вспоминать.

И уложил все, что связано с закладкой тайника, в полстраницы, чтобы, в случае если меня тяжело ранят или мы попадем в окружение, вырвать этот листок и уничтожить до того, как он попадет в руки красных.

Бывший мой второй батальон, который я оставил с корниловцами, расквартировался рядом в селе Караськово. Хотел навестить поручика Бочкарева, а заодно проведать свой бывший взвод. Но не мог оставить роту, не покидало ощущение, что красные опять ударят.

Стоп. Никита словно налетел на невидимую стену. Он перегнул тетрадь пополам, как подозрную трубу, направил ее на солнце и внимательно осмотрел корешок между страницами. Так и есть. Еле заметный след. На ярком солнце кусочки оторванной страницы были хорошо видны. Капитан Корнилов вел дневник слишком подробно, чтобы опустить увлекательные детали про спрятанные сокровища, если, конечно, это сокровища. Хотя что же конкретно его солдаты нашли в Кромах, он нигде на страницах дневника не упомянул. Значит, все было на той заветной страничке, которую капитан Корнилов все-таки вырвал.

* * *

Прошло несколько дней. Никита ничего не сказал Мите про дневник. Никак не мог понять, как к этой тетради относиться. Он ездил по объектам. Появлялся неожиданно согласно инструкциям начальника, проверял, ударно ли трудятся строители новой жизни. Пришлось признать, что работали они на редкость добросовестно. Фирма платила стабильно и неплохо. Боясь потерять работу, каменщики, маляры, штукатуры вкалывали, как стахановцы.

С шефом долгих разговоров не было. Митин отец, Сергей Борисович, вернулся из заграничного санатория, где лечил свои расшатанные нервы, и теперь его сын тоже превратился в стахановца. Несмотря на дружбу, Никита никогда не бывал у Мити дома и о его грозном отце знал лишь только по рассказам сына, по большей части саркастическим.

Сергей Борисович был похож на типичного бандита из комиксов. Мощный затылок, высокий лоб, огромные кулаки, квадратная челюсть, широченная спина, тяжелое дыхание, настороженные глаза.

Он провел короткое собеседование. Папа спросил сына при Никите:

– Ты ему доверяешь полностью?

Митя кивнул твердо и уверенно. Папа благословляющим жестом послал Никиту на работу.

С Дашей они помирились, и никто не вспоминал тот злополучный вечер ее откровений и Никитиной злобы. Вечера проводили вместе, а когда Даша мирно засыпала рядом, Никита читал при свете ночника мемуары красных и белых командиров об Орловской битве. Их было немало. Все это захватывало и все больше затягивало. Затем Даша уехала к родственникам в Санкт-Петербург, а оттуда в командировку в Псков.

На вокзале коротко и весело простились, о разлуке, пусть даже и недолгой, думать никто не хотел. Поезд тронулся. Никита помахал еще раз рукой на прощание и пошел «ловить тачку». Весь в этих мыслях о Даше, Никита незаметно для себя оказался на дороге и поднял руку. Темно-синяя «копейка» притормозила мгновенно.

– Лесная. Сотня.

– Ну, мужик, давай уж за сто пятьдесят. Центр все-таки.

– А ты блатные песни слушаешь?

– Нет, – ответил водитель неуверенно.

«Слушает, подлец!» – подумал Никита и сказал:

– Тогда поехали.

Они быстро проскочили перекресток, добрались до Садового кольца, свернули налево. Вдруг Никита понял, что что-то не так. Водитель пах «Хьюго Боссом». «Бомбящие» на жизнь «Боссом» не брызгаются. Хорошо замаскировался. На вид вроде типичный неудачник и нытик, жалующийся постоянно на жадность пассажиров. Заношенная ветровка крокодилового цвета, на торпеде пачка «LM», дешевые часы. Небрит и почему-то застегнут на все пуговицы.

Никита решил проверить свою догадку, когда они проезжали Сухаревскую площадь.

– Сворачивай на Щепкина, – приказал он перед Самотечной эстакадой.

– Зачем?

– Потом через Трифоновскую быстрее доедем, и к тому же мне приспичило, а улица эта тихая, со множеством дворов.

– Ты что, офонарел?

– Еще пятьдесят.

У него не было выхода, надо было доводить игру до конца – изображать живейший шкурный интерес.

– Ладно, только я сдам чуть вперед, а то еще повяжут вместе с тобой.

– Жди, – ответил Никита и полез в какие-то кусты, удобно посаженные у дороги. За кустами был дом с аркой. Никита решил просто уйти. Он не хотел снова участвовать в боевых действиях. Но он недооценил своего нового знакомого. Тот шел за ним метрах в тридцати.

– Ты что, тоже за компанию? – крикнул Никита.

Шофер ничего не ответил, просто шел, засунув руки в карманы своей турецкой куртки. Если бы Никита побежал, он бы знал, что делать. Ты убегаешь, я догоняю. Но Никита не двинулся с места. Шофер подошел вплотную. Но растерянность свою никак не выдал. Карман его куртки был настроен вражески. Топорщился, как зачехленный ствол главного калибра линкора «Миссури».

– Предлагаю перед битвой обсудить правила. Лучше всего на двадцати шагах через платок.

– Слушай ты, падла... – наконец выдал он из себя и шагнул вперед.

Вторая ошибка. Никита шагнул навстречу и в сторону и оказался с другого боку от главного калибра. Противник вне зоны вашей видимости, господин канонир. Мертвая зона. Теперь абордаж. Тыльная сторона Никитиной ладони коротко, но емко припечатала его нижнюю челюсть к верхней. Зубы клацнули, как медвежий капкан. И последний убийственный выстрел 24-фунтовой карронады. Прямо в пороховой погреб. Этой же рукой по кадыку. Оглушительный взрыв. Пиратская шхуна пошла ко дну. Водитель, захрипев, повалился на землю. Никита наклонился и достал у него из кармана его главный аргумент короткого спора – коротконосый пистолет «Макаров». Победитель получает все.

А ведь рядом детская площадка. И, несмотря на вечер, она не была пуста. Трое двухлетних карапузов, бросив свои совочки, с интересом наблюдали за драчунами. Вдруг один из них радостно взвизгнул и повалил своего маленького соседа. Они покатались в песок. Третий с гиканьем шлепнулся на них сверху. Сидевшая невдалеке на лавочке мамаша, видимо, в оцепенении наблюдавшая за короткой баталией, очнувшись, бросилась их разнимать, а затем в ужасе потащила их прочь, приговаривая: «Это плохие дяди, очень плохие дяди...»

Склонившись над поверженным пиратом, Никита сказал:

– Ну что, плохой дядя, распугал ты местное население. Сейчас, похоже, милиция набегит. Может, ты меня кончать не собирался, может, попугать хотел? Так ты напугал. Времени у нас с тобой поговорить нет, а тем, кто тебя послал, скажи, я хоть и злой, но слушать умею, и потому не надо меня сразу танками давить. Телефон вы мой, конечно, знаете. Я у вас как на ладони. Так что позвоните и назначьте официальную встречу, желательно в людном месте, где много пьют и много закусывают. А пистолет придется мне себе оставить, извини. Ты себе другой найдешь. Ну а я, уж так и быть, им про твой прокол тоже ничего не скажу. Скажу, что сделал все как надо. Это в том случае, если валить меня тебе не приказывали. Не приказывали?

Нападавший уже дышал ровнее:

– Не приказывали. Велели сделать, как ты и сказал.

– Так что просили передать или спросить?

– Насчет тетради, ты знаешь какой?

– Ах, тетради, в клеточку или в линейку?

– Не знаю. Просили передать, чтобы ты ее отдал. – Он попытался встать, но со стоном повалился назад.

– Ну, вот и отлично. Я пошел. А ты полежи, тебе сейчас покой нужен. И милицию не зови.

– Сука, – выдохнул поверженный противник вслед Никите.

До дома он добрался без приключений. Их на сегодня было достаточно. У подъезда встретил Филиппа Арсеньевича.

– Приходили сегодня за тобой, – Арсеньевич с сожалением посмотрел на Никиту, – не успел вернуться, и уже допрыгался.

– Откуда знаешь, что за мной? – поинтересовался Никита.

– А за кем еще. Я с ними столкнулся, когда из лифта выходил. Два таких приличных амбала. Косая сажень в плечах. В костюмах идиотских. Еле в кабину поместились. Вежливые. Глаза в пол уперли. Лифт на твоем этаже остановился. Посуди сам. На твоем этаже старуха глухая, отставной водопроводчик Михалыч и пустая квартира на продажу – не дай бог, кавказцам продадут. К тебе они шли.

– Это мои друзья.

– Друзья?! Друзья с маузерами под мышками в гости не ходят, а с бутылками.

– Сейчас, Арсеньич, другие времена и гости другие. Но спасибо, что предупредил.

Дома Никита прикинул диспозицию. Эта тетрадка не так проста. Некто за нее готов убить, хотя пока это были угрозы, к тому же Никита напал первым. Убивать его нельзя до того, как этот некто получит заветный приз. Значит, некто пойдет на переговоры. Никита решил ждать звонка и сел перед телевизором.

Через час зазвонил телефон. Голос был скрипучим, приторно вкрадчивым и в то же время не терпящим возражений:

– Ты просил позвонить. Без околичностей готов приступить к переговорам. Тебе незачем заниматься этой тетрадю. Ты ничего не сможешь понять. Есть более компетентный человек, которому она намного нужнее.

Никита прикрыл трубку рукой, подумал, не придумал ничего оригинального и ответил:

– Что за человек?

– Разве это важно? – проскрипел голос, – Просто отдай тетрадь и отступись. Вернулся с войны живым. Вот и устраивай сохраненную жизнь. А то ведь в Москве ее потерять так же легко, как и в Чечне. Понимаешь? Мы знаем, где ты работаешь, где живешь. В каких кабаках пьешь, по каким дорогам ходишь.

«Вот нельзя давить на мою нежную ранимую натуру», – подумал про себя Никита. Тут же хочется ввязаться в драку. Сколько наглецов на этом погорело.

– Я одного не понимаю, – беззаботно ответил Никита.

– Чего?

– Того, как, перестав гонять по Северному Кавказу одних плохих парней, я тут же наткнулся на других плохих парней в Москве. Я открыт для переговоров. Но терпеть не могу, когда до начала переговоров в мою квартиру, которую я очень люблю, в отсутствие хозяина присылается с дружественным визитом небольшое подразделение отряда «Дельта» с приборами ночного видения на мордах. Хорошо все обыскали, надеюсь, повторного визита не будет?

Повисло тягостное молчание. Потом его прервала телефонная трубка своим омерзительным занудством.

Но замолчал он неслучайно, рассуждал Никита. Одно из двух. Либо его грозного собеседника поставил в тупик последний пассаж, либо те, кто приходил, не его люди. Противник смущен, временно отступил для перегруппировки. В любом случае партия складывается не в пользу Никиты. Этот некто, похоже, отлично экипирован. У него есть и деньги, и люди. Они видят Никиту, а он их нет. Как актер на сцене под софитами перед темным залом. От ощущения незащитности мерзко потянуло желудок. Очень знакомое чувство. Снайпер затаился где-то там, но надо идти вперед. Одно действительно хорошо. Даши нет в Москве.

Никита открыл холодильник, достал бутылку водки, посмотрел на нее, вздохнул и поставил назад. Нет. Сейчас это будет лишь мешать. Воинственный пыл его несколько поостыл, и он решил, что правильнее всего будет подождать еще одного звонка от враждебно настроенных незнакомцев. Ведь от переговоров он не отказался. Но если тон парламентаря опять будет такой же хамский, придется его послать твердо и окончательно и все рассказать Мите. Вместе они отобьются. Тем более что тетрадка пахнет золотом, и ни Митя, ни его папа от своего интереса не откажутся. С этими мыслями Никита снова взял в руки дневник.

14 октября 1919 года. Да что же это такое?! По приказу Кутепова, на станции Дьячьё 2-й Корниловский полк соединился с 3-м Марковским. Общій командир теперь – полковник Пешня – помощник начальника Корниловской дивизии. Отряду дан участок от Оки вдоль ее притока до большой дороги из Фатежа на Орел включительно. Холодно. Уже выпал настоящий не тающий снег. Холод – наш враг. Из-за своей малочисленности мы должны постоянно маневрировать, затыкая одновременно огромное количество дыр по фронту. При теплой погоде мы маневрируем хорошо. При плохой погоде наше движение замедляется, и мы становимся мишенью.

15 октября 1919 года. Латыши перешли в наступление на деревню Зиновьево и село Караськово и заняли их. У Зиновьево шел бой целый день. Люди устали, проголодались, выматывались. Через речку отходили неширокую, в аршин глубиной и три шириной, и не делали бы этого, если бы мост не оказался под обстрелом.

Комбат распорядился, чтобы в ближайшие дома выслали по взводу. Я послал взвод Данилова. Все равно красные атаковать уже не будут, это было понятно. Павлова вызвали к командиру полка. Я поехал с ним. Полковник Наумов сказал:

– Явитесь к начальнику отряда, полковнику Пешня. – Он указал на другую группу офицеров. Это были корниловцы. Маленькая фигурка Пешни почти не была видна в темноте. Она приказала слабым, но не терпящим возражений голосом:

– Возьмите деревню Зиновьево обратно. Достаточно ваших четырех рот. Даю на подготовку два часа. О выступлении донесите. – И добавил: – В деревне батальон обсушится, отдохнет и будет сыт. Идите.

Мы вернулись к командиру полка Наумову, капитан Павлов хотел доложить, а в ответ услышал только:

– Я не верю в успех атаки.

Мы вернулись в расположение батальона молча. Павлов собрал всех командиров рот и объяснил обстановку.

– Придется атаковать Зиновьево, приказ командования, – сказал он тяжело.

Все командиры, и я в том числе, заверили его – деревню отобьем. Что еще можно было сказать. И разошлись по ротам. Долго не могли разобраться с артиллерийской поддержкой. Поэтому подготовка к атаке растянулась на три часа. Однако артиллерия не пригодилась.

Цепи залегли перед деревней и ждали сигнала. Павлов приказал мне вести роту в обход для флангового удара. Я отметил, что солдаты шли с охотой, молча и сосредоточенно. Мы заняли позиции правее остального батальона. Сигнала все не было. Нервное ожидание и холод мешали сосредоточиться.

Наконец батальонные цепи поднялись и пошли вперед.

– В атаку, – скомандовал я. Рота пошла быстрым шагом и сразу же по моему приказу перешла на бег. Деревня молчала. Ни выстрела. Красные, похоже, не ждали этого удара. Мы бежали вперед в оглушающем безмолвии. Серые хаты приближались и оставались немymi.

– Засада, – мелькнуло у меня в голове. Но тут же из домов на околице запоздало застрочили пулеметы, как бы признавая, что захвачены врасплох. Началась беспорядочная стрельба. Мы уже были у красных в тылу. Рота рассыпалась меж хат.

– Прекратить огонь, – крикнул я. Меня никто не слушал. Пальба продолжалась. Солдаты стреляли по окнам на всякий случай. Никто на наш огонь не отвечал. Латыши успели организованно отойти. Деревня довольно большая. На другом конце ее, где наступали остальные роты батальона, отчетливо слышалась отчаянная пальба.

– Иван Палыч, справа, – закричал Семечкин, который следовал за мной неотступно. Я увидел группу красноармейцев, бегущих наперерез нам.

– Огонь!

Несколько из них упало. Другие воткнули штыки в землю и подняли руки. Мои подчиненные тут же окружили их и начали разоружать. Семечкин командовал:

– Руки держать в гору и бегом за спину господина капитана, – показывал он в мою сторону. Для Семечкина всегда линия фронта проходила через меня. Таким я его и запомню. Моего верного оруженосца. Прошла по нему пулеметная очередь. Даже не знаю, белая или красная. Он выпрямился от неожиданности, покачнулся, попробовал опереться на винтовку и упал почти прямо на бок. Пленные красноармейцы, подняв руки, ошарашенно смотрели то на него, то на меня. Я подбежал и схватил Семечкина за руки:

– Федор Терентьич, что с тобой? Ранен, голубчик?

– Кончаюсь, ва... – это были его последние слова. Грязная лужа, в которой он лежал, становилась все краснее и краснее. Он лежал, вытянувшись во весь рост, сжимая винтовку. Бой тут же затих для меня. Рота сражалась в соседних дворах, а на этом небольшом пространстве

помещались только я, мой мертвый ординарец, пленные и трое солдат, оставшихся для конвоя. Я все еще держал Семечкина за руку, стоя на коленях в луже.

– Давайте, мы его возьмем. Куда его нести? – не выдержал один из пленных, крепкий полуседой мужик в добротной шинели, накинута на нательное белье.

– Туда, – махнул я рукой в сторону наших позиций за деревней и с коленей свалился на бок. Двое подхватили тело Семечкина и понесли. Остальные пленные пошли следом. Я провожал их взглядом, даже не думая подняться из этой грязи. Я разучился плакать на этой проклятой войне. Через пару минут понял, что один, и огляделся. Никого вокруг. И снова неожиданно услышал редкую стрельбу. Несколько человек из офицерской роты шли ко мне. Незнакомый мне поручик крикнул:

– Господин капитан, что с вами? Вы ранены?

– Что? – Я пришел в себя и начал вставать. – Нет-нет. Это ничего, господа. Это так. Я немного ногу подвернул.

– Прекрасно, мы пойдем дальше.

Они прошли мимо очень быстро. Я очнулся и пошел искать свою рассеявшуюся по селу роту. Никогда не унывающий Лавочкин встретился первым. Он был несказанно рад.

– Разрешите доложить, господин капитан. Зиновьево наше. Вовремя успели. Довольствия разного красные побросали огромное количество. Я лично подряд две хаты проверил. В каждой готовый ужин на столе. И первое, и второе. И даже сало и самогон. Вот, несколько пар отличных сапог добыл. Солдатам раздам. У меня во взводе половина в обмотках ходит. Очень, очень удачно атаковали, честное слово. – Он довольно потряс сапожной связкой.

– Потери? – прервал я его.

– У меня один раненый, да и то по глупости. Не разобрались в горячке боя, кто за кого, схватились с Офицерской ротой. Это они виноваты. Выскочили из-за церквушки и на нас в полном молчании. Ни погон, ни черта не видать. Я не растерялся и кричу: «В штыки!» И побежали мы навстречу. Я смотрю, прапорщик Мелентьев, старый мой знакомец, впереди. Я остановился как вкопанный, а приказ отдать и не подумал. Ну и получил вольноопределяющийся Никишин штыком в плечо от своих же. Ничего, выживет.

Отправил Лавочкина со взводом как квартирмейстеров, чтобы хаты для личного состава подыскали с готовыми ужинами. Он на сей счет везучий.

На деревенской площади нашел командира батальона. Сюда собрали пленных. Их было немного, пара десятков. Захваченные подводы со снаряжением и патронными ящиками, три пулемета. Небогатые трофеи.

Тем не менее Павлов в приподнятом настроении выслушал мой доклад. От недавней подавленности и неуверенности не осталось и следа. Спросил о потерях. Один убитый, один раненый. Он изумился:

– Получается, капитан, потери только в вашей роте. В других ротах даже легко раненных нет. Сегодня мы хорошо отделились. Удар вашей роты во фланг был решающим. Сбил их с толку, и они бросили деревню, имея все шансы расстрелять наши цепи еще на окраине. Спасибо! Кстати, кто убит?

– Мой ординарец Федор Семечкин.

– Давно он с вами?

– С шестнадцатого года.

– Сочувствую, но это война. Можете идти. Пришлите через час людей в боевое охранение.

Лавочкин был уже рядом. Доложил, что рота устроена как нельзя лучше, и спросил, что делать с пленными. Я приказал присоединить к остальным для отправки в тыл. Лавочкин сказал, что несколько из тех, что взял в плен Семечкин, хотят присоединиться к нам, и добавил:

– Я знаю, что Семечкин погиб.

– Хорошо, проведите меня к ним.

Они сидели немного поодаль от других пленных. Нетрудно было понять, в чем дело. Остальные были латыши, а эти русские. Как выяснилось из опроса, из учебной роты Отдельной стрелковой бригады товарища Павлова. Вот тебе и пролетарский интернационализм! Даже в плену латыши сами по себе, русские сами по себе. Пленные рассказали, что Зиновьево удерживали латышский батальон и их рота – всего примерно семьсот человек. Они проморгали нашу атаку.

После ухода Корниловской дивизии из Орла красное командование объявило о разгроме нашего Первого армейского корпуса, полной победе и повсеместном преследовании белых. Поэтому и бдительность ослабла.

Всех, кто хотел стать добровольцем, я записал. Пять человек. Один меня сильно смутил. Очень уж он четко излагал свою просьбу. Взгляд колючий, но честный, лицо суровое, хотя чуть нагловатое. Сказал, что зовут Семен Бабков. Из Санкт-Петербурга, до 16-го года работал мастером на Руссо-Балте, после этого ввязался в стачку, слишком много митинговал и был за то отправлен на фронт. После развала фронта вернулся домой и болтался без дела в бывшей столице, кустарничал от случая к случаю, безуспешно пытался выжить, а три месяца назад добровольно попал под призыв. Сначала дрался с белыми убежденно, но, по его словам, быстро разобрался, что к чему, и при первом же удобном случае решил перейти на другую сторону.

Хотел было я отправить его с латышами на дальнейшее рассмотрение в тыл, но передумал. Хорошо знаю, чем кончается это дальнейшее рассмотрение. Побоялся ошибиться, хотя ни одному слову этого солдата не поверил.

Подошел поручик Киреев, командир десятой роты, поздоровался, предложил закурить. Мы покурили, помолчали, пуская дым. Он спросил, отобрал ли я из пленных всех, кто мне нужен. Я ответил утвердительно. Без лишних разговоров он забрал оставшихся русских пленных, не трогая латышей. Ничего у них не спрашивал. В его роте потери в предыдущих боях были самыми большими в батальоне.

Приказал Лавочкину раздать пленных по взводам, чтобы не держались вместе, и распорядиться насчет похорон моего ординарца. И приказал также выделить трех человек в похоронную команду и пять для почетного караула. Потом передумал и оставил только похоронную команду. Почетный караул для солдата будет неправильно понят. Тем более сегодня, когда убили его одного. Только его одного.

Они отнесли Семечкина на местный погост. Я шел следом. Один в почетном карауле. Выломал по пути из забора две доски почище. Кладбище небольшое, аккуратное, ухоженное и нетронутое войной. Ни воронок от взрывов, ни окопов. Мирное смиренное кладбище. Пока копали могилу, сидел на земле рядом и ковырял перочинным ножом на доске надпись: «Семечкин Ф.Т. 1919. Солдат. Погиб за Родину». Поскольку не знал, когда он родился, нацарапал только дату смерти, но без числа, чтобы красных не раздражать. Когда положили Семечкина в могилу, бросил горсть земли, отдал доски одному из солдат и попросил закрепить их поровнее. С тем и ушел.

Поздно вечером, когда писал эти строки, сидел в хате у окна, прислушивался к тишине. Пришли вызванные мной командиры взводов. Доложили, что, как стемнело, в деревне из разных щелей по домам вылезают непонятные люди и убегают в темноту. То ли красные, то ли испуганные крестьяне. Суета нескончаемая.

16 октября 1919 года. Отлично выспался впервые за последние десять дней. Ночь была на удивление спокойной. Утром собрался послать Семечкина за командирами взводов, но потом вспомнил, что он погиб и я его похоронил. Трудно отказаться от многолетних привычек. Лавочкин прислал одного из своих солдат на место Семечкина. Я слышал, как он гремел посудой где-то там, на кухне.

Странно, даже сутки не прошли, а тот, кто был единственным близким человеком за четыре года непрерывной войны, уже стерся, замазался, исчез. Он погиб, не зная, победили мы или проиграли. Пусть лучше это произойдет и со мной. Погибнуть во время полного разгрома – самое страшное, что я могу представить.

Всегда надо помнить о том, что могут убить тебя самого. Я знаю это чувство. Водишь химическим карандашом по бумаге, записываешь только что произошедшие события, упоминаешь в этих событиях себя и таким образом накапливаешь уверенность в том, что не погибнешь. Все это ерунда. Сколько бы ты ни записывал себя в бессмертные, ты обязан идти впереди цепи, и отступить не имеешь права. Я в Добровольческой армии с апреля восемнадцатого года. И то, что не убит, – это скорее чудо, но никак не закономерность. Сколько нам осталось, одному Богу известно, и то, что меня убьют, даже не подлежит обсуждению. Мне и так было отпущено сверх меры.

Я сам был таким когда-то, пока не убил своего первого врага. Это был австриец, молодой, здоровый, наверное, веселый парень, жизнерадостный парень. Тогда мне так показалось. В атаке я прибил его штыком к окопному брустверу и с ужасом смотрел, как он умирал, держась, словно бабочка на булавке. Семечкин – простая душа – подошел, вырвал винтовку из его тела, отдал ее мне и сказал, что негоже командиру взвода глазеть на труп, когда его взвод в полном составе бежит в атаку без командира. Австриец мешком упал на дно окопа, лицом вниз в жидкое месиво грязи, я оторвался от его глаз, и наваждение прошло. Я был снова готов убивать и убиваю с тех пор регулярно.

Сегодня мы опять наступали. Противник бежал. Прошло два часа. Нам приказали отступить, и красные без боя заняли наши позиции. Я перестаю понимать, что происходит. Мы топчемся на месте.

* * *

Еще даже не рассвело, но уже снова зазвонил телефон. Он звонил непереносимо зубодробительно. Надо вставать. Никита никак не мог разлепить глаза. Ночь выдалась нелегкая. Ему снилась Гражданская война. Он был белым и красным, Буденным и Деникиным, батькой Махно и Котовским одновременно. Образы из старых черно-белых советских кинофильмов всю ночь скакали через весь экран Никитино мозга и рубили друг друга в капусту.

В окно хлестко ударил порыв ветра. Стекла задрожали. Хуже нет, когда свинцовое озлобленное небо давит на стекло, как будто хочет продавить его внутрь. Тяжелая серость воздуха и необходимость вставать, выбираться из постели, для того чтобы взять трубку, действовали удручающе. Обиженно запела автосигнализация за окном. Заунывный звук слился с дребезжанием телефона.

Никита открыл один глаз и посмотрел на часы. Шесть утра. «Это последняя капля. Весь мир против меня, – решил Никита. – Он хочет, чтобы я сгруппировался, собрался, сконцентрировался, сжался, как пружина, и выпрямился, став сильным и спокойным». Он стал таким и взял трубку. Голос был не тот, что вчера. Не скрипучий, а уверенный в себе, не терпящий возражений и с легким акцентом, возможно, американским:

– Господин Корнилов, если вы не заняты сегодня вечером никаким делом, то я хотел бы с вами встретиться и обсудить неожиданно возникшую меж нами проблему.

– Проблему? – переспросил Никита, пытаясь разогнать остатки сна. – Вы имеете в виду вчерашний обыск моих апартаментов, нападение и телефонное хулиганство с угрозами?

– А вы шутник. Вы ничего на свете не боитесь?

Выбираясь из постели, Никита признался в трубку, что боится, но не шутить не может. Уж таким родился. На что голос заметил, что это не страшно, что бывает и хуже, но если он не настроен на то, чтобы выслушать суть дела, то они расстанутся, соответственно обстоятель-

ствам, врагами, а хорошие деньги, которые мог бы заработать он, заработает кто-нибудь другой. Логичный голос с оттенком остроумия. Ответ Никиты последовал незамедлительно:

– Судя по всему, вы тоже весельчак, и потому я весь внимание.

Секундная пауза. Клиент собирался с мыслями. Никита тем временем искал джинсы.

– Значит, вы готовы к сотрудничеству?

– Э, нет, – поправил Никита, – готов встретиться, но не сотрудничать. Назначайте встречу. Бегать я не намерен, набегался на предыдущей работе.

Трубка, деликатно кашлянув, добродушно рассмеялась:

– Набегался на предыдущей работе – необычный образ. Точно сказано. Я знаю, где вы работали последний год. Отлично. Жду вас в девять часов вечера, в мексиканском кафе в начале Тверской. Знаете его?

Никита уже успел найти джинсы и влезть в них, а заодно и в носки. Теперь очередь за рубашкой. Ограниченный в движении, он старался найти ее взглядом. Телефон уже начал раздражать. Ухо, плотно прижатое к мембране, немного устало. Пора заканчивать переговоры.

– Популярное место. Много людей. Значит, мы оба будем чувствовать себя в безопасности, хотя уверен, вы, для подстраховки, будете не один.

– Это точно.

– И подойдете сами, потому что узнаете по фотографии.

Собеседник повесил трубку.

Шеф в этот день приказал находиться в офисе. Формально Никита подчинился Роману Евгеньевичу Петракову, одному из заместителей Мити и его отца. Заместитель по каким делам, Никита не мог разобраться. Вся фирма вообще подразделялась на папу, Митю с заместителями и остальных. Петраков – опытный строитель советских времен, доросший до перестройки до начальника главка. Шестьдесят лет, не меньше, тем не менее держится бодрячком – детдомовская закалка. Высокого роста, почти лысый, всегда чисто выбрит. Он один из тех, кто умеет дружить сразу со всеми и одновременно держать дистанцию с ними же. За день обязательно рассказывает два-три анекдота, и не всегда «бородатые». Как будто так надо каждый день. Два-три анекдота. Часть имиджа. Неважно какие – лишь бы рассказать. Никиту он работой сильно не загружает, помня о его дружбе с сыном босса, но и старается проявить время от времени начальственную жилку. Не заискивает, не панибратствует, всегда приветлив и деловит. Когда он не рассказывает анекдоты, с ним и чаю попить приятно.

Костоватый Антон Павлович – второй и последний заместитель, одновременно начальник охраны, с которым Никита по долгу службы тоже должен был советоваться. Веселый малый лет сорока или чуть меньше, с брюшком средней величины и здоровенной безвкусной печаткой на пальце. Бывший спортсмен. Занимался борьбой, подавал надежды, но большой карьеры не сделал. Вовремя сообразил, когда уйти, и успел окончить строительный институт. Потом как раз подоспела перестройка и время для таких, как он. Значок мастера спорта плюс диплом. Знания, а главное, сила. В противоположность своему коллеге Петракову, он обладал роскошной шевелюрой и почти гусарскими усами. В глазах Никиты у Костоватого было еще одно преимущество – он почти не появлялся в кабинете, где они сидели все втроем. Петраков же выходил из-за стола только в туалет.

Настало время для встречи с таинственным иностранцем.

Текила. Исключительно эту даму Никита сегодня вечером танцует. В баре было уютно, как на вокзале. Никто никого не знает и едет по своим делам, некоторые «уехали» уже далеко. Барная стойка – билетная касса. Маленькие белые чеки – посадочные талоны на одну короткую поездку. Каждый отмеряет свой отрезок пути от ненужного сознания к умопомрачению. Один едет несколько станций, другой до упора. Никита всегда любил пить у стойки. Она широкая, надежная, ее дерево хранит тепло того, кто был на твоём месте пять минут назад. К тому же у стойки всегда есть с кем поболтать.

Бармен посмотрел на него, как на старого приятеля.

– Текилу?

– Угадал. Экстрасенс?

– Нет, всего лишь хороший специалист своего дела.

– Сильно сказано. Это вас на курсах каких-нибудь учат так изысканно выражаться?

Бармен наклонился и заговорщицки прошептал:

– Просто мой менеджер стоит справа от вас. Он меня сегодня уже достал. Не знаю, чем его умастить. Говорят, ему жена изменила.

Никита взглянул вправо. Лицо этого полного скорее парня, чем мужчины было одновременно и злым и несчастным. Он в бешенстве хлопнул ладонью по кассе, достал сигарету и закурил, накрепко сложив руки на груди. Да, имей после этого подчиненных. Никита посмотрел вдоль стойки и понял, что бармен рассказал эту историю не ему одному. Взгляды, обращенные на толстяка, были пьяно-сочувственно-снисходительными. Разговор на тему, что все «бабы – суки», уже висел в воздухе. Минут через пятнадцать кто-то скажет первое слово.

– Ну что ж, молодец, – сказал Никита намеренно громко. – Мой второй тост – за профессионалов своего дела.

– Приятного вечера, – ответил бармен и с чувством выполненного долга перевел внимание на нового потенциального слушателя.

– Господин Корнилов, – раздался знакомый голос за спиной.

Никита обернулся. Перед ним стоял типичный натовский генерал. Узкое, орлиное лицо, с глубокими складками. Высокий лоб, уставная стрижка в американском стиле с выбритыми висками. Глаза серые, пытливые, но, в целом, взгляд мягкий, такой политкорректный. Все в нем было какое-то неместное, в том числе и одежда. Белая дорогая водолазка, серый пиджак в крупную синюю клетку, голубые джинсы. Никита подумал, что одет так же, только все предметы черного цвета.

– К вашим услугам. Господин?.. – Никита улыбнулся в ответ как можно шире.

– Балашофф Майкл.

– С двумя ф?

– Совершенно верно.

– Тогда я удивлен, – искренне признался Никита, – что занесло вас в наши дикие, не знающие суда присяжных края? Да еще с какими-то подозрительными намерениями.

– Вы не против пересесть за отдельный столик? – ушел от ответа мистер Балашофф.

Они перешли в ресторан и сделали заказ. Никита – еще одну серебряную текилу и минеральную воду, Майкл Балашофф – сто граммов столичной водки и салат. Никита заметил:

– Ностальгия?

– Нет, что вы. Просто в нашей семье всегда пьют и пили только русскую водку. Традиция.

– Понимаю, – кивнул Никита и сделал вопрошающий жест. – Итак?

– Итак, – повторил вслед за ним иностранец. – Суть дела такова. Я был с самого начал против того, чтобы вас пугать. Сержант-разведчик вернулся с войны и постоянно рефлексит. Наезжать, кажется, так у вас говорят, на такого человека – это то же самое, что проверять раскаленный докрасна утюг голой рукой, теплый он или нет. Ожог гарантирован. Тетрадь, которая у вас в руках, много значит для моей семьи.

– В каком смысле? – перебил Никита.

– Простите? – осекся Балашофф.

– Понимаете, это дневник капитана Корнилова, который вы называете тетрадью. Подчеркиваю, Корнилова. Моя фамилия такая же. Это, конечно, ни о чем не говорит, но ни одного Балашова без приобретенных позже «ф» в дневнике я не нашел.

– С вами сложно вести переговоры. Вы все время шутите. Хорошо. Не вижу причин для околичностей. Все равно поймаете на несоответствиях. Вот честная краткая предыстория моего появления здесь. Хотите послушать?

– Я весь внимание, – кивнул Никита.

– Тетрадь, простите, дневник, который вы упорно не хотите отдавать, написан не моим родственником. Но, – он многозначительно поднял палец, – он принадлежал моему прадеду – красному комиссару батальона в Отдельной стрелковой бригаде Павлова. Это трофей, захваченный на поле боя.

– У белого офицера по фамилии Корнилов, – добавил Никита.

– Не понял вас, – еще раз осекся Балашофф.

– Я вырос в Сибири. А знаете почему? Потому что в Гражданскую войну большинство моих родственников воевало на стороне белых. Часть из них погибла, часть эмигрировала. Оставшихся на родине, среди них моего деда, еще маленького совсем, сослали за Урал. В конце тридцатых сталинские репрессии добились остатки клана Корниловых. Дед один выжил. Может, еще кто-то. Но они перестали писать друг другу и потерялись. Дедушка давно умер. Но я прекрасно помню, как он уворачивался до самого своего смертного часа от моих вопросов о наших корнях. Ведь советская власть тогда была еще крепка. Мама пересказала мне позже обрывки скудных воспоминаний прабабушки. Так не может ли капитан Добровольческой армии Иван Корнилов быть родственником бывшего сержанта федеральных сил Никиты Корнилова? А? Как вам такая версия?

– Ну и что? – недоумевал Балашофф.

– Как что. Для вашей семьи этот дневник реликвия, а для моей, значит, нет? Почему я должен его отдать? Это ваш трофей, отлично, но я отбил его назад. Я не шучу. – Никита не скрывал своего раздражения.

Майкл Балашофф совершенно был сбит с толку искренней эскападой Никиты, но парировал:

– Это ваши домыслы. А вот моя история. Мой дед был, как я уже сказал, в Красной армии комиссаром батальона. Он честно воевал. Получил орден Боевого Красного Знамени. После Гражданской войны был на партийной работе в Орловской губернии, потом перевелся в Москву и поселился в том самом доме, где вы недавно получили в подарок от бомжей боевой трофей моего прадеда. Вы тут говорили о репрессиях. Нашей семье они тоже коснулись. Деда и бабушку расстреляли. Но остались два сына – Виктор и Евгений. Перед тем как их забрали, дед рассказал о дневнике своим сыновьям. В 42-м они оба ушли на фронт. Евгений погиб в Сталинграде, а Виктор, мой отец, под Харьковом попал в плен, после победы вернуться домой не решился и подался в США. Балашофф – это девичья фамилия бабушки. Я думаю, вы знаете, что фамилии в английском языке рода не имеют. Остальное, думаю, вам понятно. В итоге появился я. Я вырос в Калифорнии, но в доме все всегда было по-русски. Потому я даже говорю как вы, лишь с небольшим акцентом.

Балашофф замолчал. Никита размешивал задумчиво пузырьки в стакане с минералкой:

– Душещипательная история. Что вы все ходите вокруг да около. При чем здесь реликвии? Вы хотите найти то, о чем упоминается в дневнике. А ваша семейная легенда гласит о том, что в дневнике недостает страниц?

Балашофф утвердительно кивнул.

– Эти страницы у вас?

Балашофф отрицательно мотнул головой.

– Тогда зачем вам все это? Как вы собираетесь вести поиски без главного элемента мозаики?

– Что-нибудь придумаем. Тем более что с российскими партнерами у нас давно налажены крепкие связи. – Он кивком указал на двух своих охранников, которые совершенно измаялись

за барной стойкой. Видно было, что их окончательно достал апельсиновый сок и за порцию виски они готовы достать пистолеты.

– Ладно, решим так, – подвел итог Никита, – тетрадь я вам не отдам. Но можем разработать эту жилу вместе, мне почему-то жалко вас. К тому же мне кажется, что вы все-таки что-то скрываете. И если я буду стоять на своем, рано или поздно расколется.

Стальные глаза Балашоффа превратились в щелочки:

– Я предлагаю вам пять тысяч долларов наличными.

Никита встал:

– Я свое слово сказал. Тетрадь я вам не отдам, но помочь найти клад готов. С вознаграждением будем решать после этого. Я буду решать. Тетрадь вам не найти, она в надежном месте. Поэтому не обыскивайте больше квартиру и не нападайте на меня в темноте из-за угла. Потеряете свою заветную тетрадку навсегда. Лучше поищите вырванный листок.

Балашофф встал тоже:

– Это неприемлемая сделка.

Охранники тут же напряглись, отставив в сторону ненавистный апельсиновый сок.

– Передумаете, знаете, где меня найти, – все, что пришло Никите в голову. После этой фразы он вышел. Немая сцена.

Желания идти пешком не было. Никита поймал тачку. Сидя на переднем сиденье рядом с водителем, думал, чтобы отвлечься, как же иначе и правильнее назвать этот самый популярный ныне вид транспорта для ленивых людей, имеющих деньги, но не желающих тратить их на покупку личного автомобиля, на поездки в общественном транспорте и на безумно дорогое такси. Короче, с комфортом, и дешевле, чем в такси. Таксисты данный вид транспорта ненавидят. Он дешевле, попадает на улицах гораздо чаще такси и, самое главное, намного сговорчивее, чем таксомоторный парк.

Среднестатистически – это «жигули» с пятой по седьмую модели или «Москвич-2141». Это явление называется тачка. Почему не телега или пролетка? А в тачке водитель, называемый водила или бомбила. Почему не извозчик или кучер?

Как космополитично изложить на бумаге фразу: «Я ехал в тачке»? Например, чтобы при переводе ее поняли норвежцы или малагасийцы. «Я ехал не в такси, но платил деньги как за такси, хоть и меньшие». Или. «Я ехал в квази-такси с квази-водителем внутри, а он неожиданно попросил денег». Или «псевдо-такси с псевдо-водителем». В любом случае, деньги реальные.

Шофер печально смотрел вдаль и канючил:

– Тридцать рублей. Смешно. Вот был я таксистом в советские времена, у меня клиент до конца дороги боялся, что я его высажу. А сейчас дадут две копейки и думают, что короли. Бляха-муха, мне шестьдесят, а должен всяких козлов возить, которые денег жалеют.

Никита отвлекся от мыслей о своем и спросил:

– А ты, дядя, сколько хотел бы?

– Чего? – выпал он из своей обличительной прострации.

– Хотел бы ты сколько?

– За что?

– За то, что ты за мои деньги сидишь тут на попе ровно, ехать тебе три минуты, а ты крутишь баранку и ноешь, как Егор Гайдар перед Государственной думой.

– Умные все стали, деньги вам легко достаются, вот и измываетесь над простыми людьми. Знаешь, каким потом и кровью денежки-то достаются? Не знаешь.

Бешенство почти захлестнуло Никиту. Он хотел сказать пару слов о поте и крови, но промолчал и отвернулся к окну. Таксист, не слыша возражений, увлеченно бубнил:

– А знаешь, каково на трассе рано утром? Спать охота, есть охота, работать неохота. А деньги нужны.

В арку родного двора он решил не заезжать. Попросил остановиться на Лесной улице перед домом и вышел.

– А деньги?! – испуганно крикнул дорожный борец за справедливость.

– Деньги? Какие деньги? – Никита обернулся и наклонился к окошку. – Мне кажется, за то нытье, которое я выслушал, ты мне должен. Ну? Что скажешь, поборник справедливости? Можешь позвать на помощь милицию. Вон она на перекрестке стоит.

– Да я так, чушь всякую нес. Извини, друг.

– Вот носи ее и дальше. Друг. И запомни, сравнительно низкие цены за проезд на твоей развалюхе не стоят твоей политической платформы. Читай ее коровам совхоза, который недалеко от твоей убогой дачи. Есть дача? – почти рявкнул Никита.

– Есть. – Шофер чуть не выпал из машины.

– Великолепно. Вот твои деньги.

Никита выпустил пар, и ему сразу стало легче. Он шел медленно, наслаждаясь густым ночным воздухом, чуть разбавленным светом звезд. Они накрыли сеть главную достопримечательность внутреннего двора Никитино дома – Бутырскую тюрьму. Бутырка медленно плыла мимо, когда он шел к своему подъезду. В огромных зарешеченных, но совсем не тюремных окнах ее старого корпуса горел свет. Когда-то, наверное, Феликс Эдмундович Дзержинский, сидя на очередном допросе, с тоской смотрел мимо старорежимного следователя в одно из этих окон и думал о мировой революции. Дома этого тогда не было, но Лесная улица была, и он мог видеть свободную уличную жизнь. Никита попытался представить, какой она была тогда. Мальчишки-разносчики, толстые городовые с огромными бляхами на груди и шашками на боку, экипажи со скучающими дамами в роскошных туалетах и усатыми господами в цилиндрах и с моноклями и непременно рабочие с лицами, одухотворенными после прочтения социал-демократической листовки. Да, именно в такой последовательности. В детстве Никита смотрел слишком много историко-революционных фильмов. Других все равно не было.

А теперь нынешний заключенный на допросе видит этот дом и его по-своему уютный двор с деревьями, детским городком, гаражами и мусорными контейнерами. И ему еще тоскливее, чем Феликсу Эдмундовичу. Гаражи закрывают часть тюремной стены, образуя почти замкнутое пространство. Оно очень удобно для желающих «покричать», то есть пообщаться с арестантами через стену. Поскольку «кричащих» за гаражами не видно, жильцов, в том числе и Никиту, это не раздражает. Вот и сейчас, ночью, кто-то почти жалобно звал за гаражами: «Коля, Коля, Коля...» Не двор, а паноптикум. Никита остановился послушать эти звуки ночи и с наслаждением втянул носом воздух. Он пах безмятежностью, свободой и сиренью. «Откуда сирень в этом дворе? Ее здесь никогда не было. Наверное, подсознание работает», – подумал Никита.

Запах из детства, из сада бабушки, который окружал высокий выкрашенный зеленой краской забор, и внешний, враждебный мир не мог дотянуться до него своими грязными лапами. Ему было шесть лет, когда он, после многочасовых стараний, все же оседлал этот забор верхом и увидел жизнь. Она камешком прилетела ему прямо в лоб из рогатки соседского пацана. Это был первый жизненный опыт. Никита свалился с забора, рыдая в полный голос, и погнался за ним. Потом они долго дрались, с остервенением, насколько это возможно для малышей, выдирая друг другу волосы, царапаясь и кусаясь. Побоище остановила мама. Никитин оппонент получил увесистый шлепок по заднице. А Никита, обрадовавшись неожиданной подмоге, успел только крикнуть восторженно: «Мама!» – и тут же отлетел в другую сторону, получив от нее по затылку. Это был второй урок в тот день – урок справедливости. С тех пор цветочки в саду и запах сирени его больше не интересовали. Жизнь крепко схватила за горло, силой влюбила в себя, он стал ее поклонником и исследователем. Но иногда запах сирени возвращается.

– О чем задумался, Никита? – Голос Арсеньевича вернул его к действительности. Он сидел на своей неизменной лавочке с огромным букетом сирени. В старом, но хорошо отглаженном синем костюме довоенного пошива. А Никита-то расчувствовался. Метафизический аромат ощутил вместо того, чтобы по сторонам посмотреть.

– Ты, Филипп Арсеньевич, случайно, не с парада?

– Бери выше. На слете ветеранов был. Порадовали стариков. Прямо как до революции. – Арсеньевич достал из внутреннего кармана почтовый конверт. – Видал? В нем и подарок.

– Понял. А ты какую революцию имеешь в виду?

– Да 91-го года, чтоб ей пусто было.

– А ветеран ты чего? Какой войны или какого труда?

– Не твоего ума дело. Я ветеран чего надо ветеран. – Арсеньевич вдруг занервничал и стал абсолютно беззащитным. Глаза заблестели. Он готов был расплакаться. Никита никогда не видел его таким.

– Ну ладно, я пошутил. Не обижайся. А сирень тоже там вручили?

– Нет, это я по пути наломал. Сегодня можно. Очень мне, понимаешь, старику, хотелось сегодня закон нарушить по случаю торжества. Я ведь его всю жизнь охранял и защищал. А сегодня захотелось, просто сил нет. Как бабу лет тридцать назад, вот и наломал в школьном дворе недалеко отсюда. Думал, если заберут, честно за этот веник пятнадцать суток отсижу, но старухе своей его принесу. Так ведь плевать всем, ты понимаешь. Идут мимо и смеются, а милицию не зовут.

– Не переживай, Арсеньич. В следующий раз зови меня. Я тебя лично повяжу и в милицию сдам.

– Добрый ты человек. Друзья твои толстомордые, что давеча приходили, отстали от тебя или как?

– Пока не пойму, Арсеньич. Но если что, надеюсь на твою помощь.

– Договорились, – заговорщицки прищурил глаз Арсеньевич и щелкнул пальцами.

Дома Никита вновь взялся за дневник.

17 октября 1919 года. В моей роте прибавилось вчерашних пленных. Теперь их человек двадцать. Других путей восполнения личного состава нет. Военнопленный Семен Бабков, к которому я относился с подозрением, похоже, чувствует это. И изо всех сил пытается доказать свою лояльность. Сегодня он меня удивил.

Мы опять сегодня наступали, зная, что потом отступим. Теперь наши бои чем-то похожи на маятник.

Рано утром пошел навестить прикрывающий нас взвод легкой батареи трехдюймовых орудий. Но не дошел. Навстречу выбежал фельдфебель с криком: «Господин капитан, вертайте назад, к роте. Красные наступают», – и сунул мне бинокль. В него я увидел, как густые цепи красных шли на нас. Охранение в ту же секунду увидело их, и началась отчаянная стрельба.

Я бросился назад. Вся рота уже сбегалась к моей избе. Прибежал ординарец поручика Семенюшкина, одиннадцатая рота. По приказу комбата Павлова наши роты должны вместе нанести контрудар, поскольку в боевом охранении взвода от наших рот. 9-я и 10-я роты батальона обеспечивают левый фланг.

Я немедленно развернул роту в цепь и повел вперед. Замерзшая земля пружинила под ногами. Одиннадцатая рота разворачивалась в цепь в сотне шагов слева. Семенюшкин помахал мне рукой, я махнул в ответ. До красных было полторы версты. Очень густая цепь. Не меньше батальона. Не собьем их – нам конец. Быстрым шагом мы и красные сближались. Широкое мощное «Ура!» разлилось над их быстро приближающимися фигурками. Молодые солдаты справа и слева от меня сжались от напряжения и безотчетного страха. Я крикнул как можно громче:

– Что так невесело идем, братцы?! А ну-ка за Родину! Ура!

Бойцы с желанием подхватили мой крик. Он покатился над цепью, нарастая, как снежный ком. Мы побежали. Сто пятьдесят шагов, сто, пятьдесят. Уже хорошо видны белки глаз. Они полны страха и ненависти. Мы не сбавляли шаг. Не хватило «товарищам» духу для штыкового удара. Те, что бежали прямо на меня, остановились и дали залп. Пуля свистнула над ухом, или мне показалось. Ефрейтор Тренев сложился пополам и рухнул на бегу. Упало еще несколько человек. Но мы не сбавляли шаг. Часть «товарищей» в центре цепи начали осаживать, подавать назад. Остальные встретили нас в штыки. Мгновенно все смешалось. Я сшибся с немолодым красноармейцем, который не очень понимал, как управляться с винтовкой. Он сделал неуверенный выпад, который я легко отбил и тут же ударил ему в живот штыком. Он схватился за мою винтовку обеими руками и всем весом повалился на нее. Я выпустил ее из рук и остался безоружным. Не было времени вытаскивать ее из-под конвульсирующего тела. Из суматохи рукопашной схватки выскочил еще один красный стрелок с намерением насадить меня на штык. Я никак не мог расстегнуть кобуру и достать револьвер, заворуженно уставившись на быстро приближающуюся холодную сталь. Это длилось доли секунды. Красноармеец кубарем отлетел в сторону. Семен Бабков сшиб его плечом, развернулся и воткнул в него штык с оттягом, на выдохе. Я наконец вытащил револьвер из кобуры, но тут же сунул его обратно и начал выковыривать винтовку из-под убитого большевика.

Бабков с силой втянул воздух, радостно кивнул мне, развернулся и ринулся в центр схватки.

Красные побежали, не выдержав нашего натиска. Началось беспощадное преследование. Их били штыками в спины, патронов почти не тратили. Но с флангов ударили пулеметы, и нам пришлось залечь. Одиннадцатая рота отстала, и мы оказались зажатыми между двух красных пулеметных батарей. Продольный огонь не позволял поднять головы. Я собрался отдать приказ на отход. Грохот конных упряжек в тылу роты изменил мои намерения. Артиллерийский взвод мчался нам на подмогу. Батарейцы лихо пронеслись через вжимающуюся в землю цепь под пулеметным огнем, снялись с передков. Одна лошадь завалилась на бок раненая. Пули зазвенели по орудийному железу.

– Прицел двенадцать, беглый огонь, – совершенно спокойно скомандовал командир батареи поручик Алексеев. Гранаты с визгом понеслись в сторону врага. Упало два артиллериста. Раненые. Остальные не обращали на них никакого внимания. Красные пулеметы с правого фланга замолчали. Батарейцы вручную разворачивали орудия налево. Красные закинули пулеметы в двуколки намного быстрее. Поручик Алексеев в бешенстве пнул по колесу пушки и опять скомандовал:

– Ушли, сволочи. Шрапнелью. Прицел двенадцать. По пехоте беглый огонь.

Над залегшей в шестистах шагах от нас красной пехотой начали рваться желто-белые облачка. Я всегда удивлялся потрясающему хладнокровию артиллеристов. Алексеев сунул в ухо раненой лошади пистолет и как-то обыденно выстрелил. Она перестала биться. Раненых бойцов погрузили в двуколку. Совершенно спокойно взяли на передки и уехали в тыл. Будто их и не было, и только лошадиный труп напоминал об их недавнем присутствии.

Я встал. Рота без всякой команды поднялась вслед за мной. Мы опять пошли вперед. И тут случилось то, чего я меньше всего ожидал. Броневики. Не думал я, что в этом районе большевики будут их использовать. Хотя я не прав. Земля замерзла, и теперь по этому суглинку с черноземом пополам, где еще неделю назад нога тонула по колено, пройдет все, что угодно.

На наше счастье, мы в погоне за отступающими красными, дошли до небольшого леска. Два броневика заработали всеми пулеметами, но мы успели укрыться за кустами и деревцами. Однако они снова прижали нас. Я надеялся на батарею. Но у них не было шансов выйти на прямую наводку. И снова я ошибся. Вокруг броневиков начали подниматься фонтаны грязи. Снаряды рвались убедительно.

Поручик Алексеев, выпускник Михайловского артиллерийского училища, знал свое дело от и до и прекрасно понимал, как бить с закрытых позиций. Ориентируясь на указания влезшего на дерево наблюдателя, он бил на звук мотора. И бил точно. Броневики отошли.

Я отослал солдата с просьбой прекратить огонь. До дереvушки, куда ушли броневики, было рукой подать. Их надо было добить.

Мы ворвались в селение, где, как мне показалось, не было никаких жителей. Со мной взвод прапорщика Семенова. Правее, за соседним домом, маячил неутомимый Лавочкин. Он пытался что-то показать знаками. Прижал два кулака к лицу и изобразил яростную стрельбу из пулемета. Я понял – за соседним домом красные броневики. Осторожно выглянул из-за угла. На грязной, покрытой воронками главной улице стоял броневик, я успел рассмотреть его название – «Борец за свободу всего мирового пролетариата товарищ Троцкий» – и стрелял вдоль улицы в ту сторону, где должна была быть рота Семенюшкина. Сзади накапливалась пехота. Снова будут контратаковать. Мы оказались несколько сбоку. А в бронеvике, похоже, не было бокового наблюдателя. Они не могли нас видеть. Прижавшись к бревенчатой стене, я приказал:

– Всем заткнуться и вести себя прилично, вперед не рвать. Там броневик. Гранаты к бою.

Вдруг один за другим ударили два взрыва. Я снова выглянул из-за угла и не поверил своим глазам. Бабков и еще трое добровольцев подобрались по канаве к бронеvику как можно ближе и бросают в него гранаты. Водитель в панике дал задний ход, сломал забор и угодил задними колесами в какую-то яму. Наверное, хозяин погреб копал или колодец, да война помешала закончить, собственно говоря, это не важно. Важно то, что «Товарищ Троцкий» сел в эту ловушку намертво. Мотор бронеvика рычал отчаянно. Машина делала рывок за рывком, но не могла сдвинуться с места. Бесполезные теперь пулеметы смотрели в серое, затянутое тучами небо. Бабков встал во весь рост и метнул еще две гранаты.

Красноармейцы бросились было на помощь. Попытались выбраться из-за хат, но без особого желания. Это было видно. Но мы тут же открыли шквальный огонь. Они отошли.

Экипаж понял, что все кончено. Боковая дверца бронеvика открылась, и из железных внутренностей вывалился бритый здоровенный детина в кожаной куртке. Куртка его была вся в крови. Он замахал куском белой материи, перемазанной машинным маслом и кровью, крича:

– Не стреляйте, сдаемся! Сдаемся мы!

Он полез назад в броневик и вытащил за ноги своего раненого товарища. Бабков с добровольцами, пригибаясь, перебежали к машине. Я тоже бросился к ним. Красный здоровяк поднял вверх одну руку, второй он поддерживал раненого. И вдруг, когда добровольцы добежали до машины, он выхватил из-под куртки револьвер. Выстрел. Рядовой Птицын упал. Совсем молодой парнишка, недоучившийся гимназист. Бабков тут же вскинул винтовку и на бегу выстрелил в ответ. Красный упал на спину. Раненый упал на него. Бабков подбежал, перезарядил трехлинейку и вторым выстрелом разнес раненому голову. Я подбежал с криком:

– Отставить! Что ж ты делаешь, сволочь, научился в Красной армии раненых добивать!

Его лицо было белее только что отштукатуренной стены.

– Испугался я, ваше благородие, сильно испугался. Чуть в штаны не наделал. Не думал я, что комиссар стрелять начнет. Вот с испугу я их обоих и прибил. У второго тоже мог револьвер оказаться.

– Хорошо. Убедил. – Я успокоился и ободряюще похлопал его по плечу. – Ничего, дружок. Будем считать, что ты не виноват. Тем более, что вел ты себя героически. За красных так же воевал?

– Всяко бывало. – Он посмотрел на меня с откровенной ненавистью.

– Молодец, что не соврал. Так, броневик обыскать и вытащить из ямы.

Бабков козырнул и побежал исполнять приказание. Деревня была нашей. Стрельба прекратилась полностью.

Когда рота собралась вся, приказал построиться и перед строем объявил благодарность рядовым Семену Бабкову, Петру Носову и Алексею Птицыну за захват вражеского боевика. Птицыну посмертно. Меньше месяца провоевал мальчишка. Бабков как-то странно отреагировал. Его передернуло, будто ему не благодарность объявили, а приговор зачитали. Списал такое поведение на убийство раненого красноармейца.

Подошла 11-я рота. Поручик Семенюшкин горячо поздравил с захватом броневика, но заметил, что получен приказ отходить назад. Фланги оголены, как обычно. Нас легко могут отрезать. Боже, до чего надоели эти качели.

Я ответил, что моя рота отойдет после того, как будет отбуксирована захваченная добыча. Семенюшкин пообещал прислать конскую упряжку от артиллеристов.

Пока мы говорили, солдаты вручную вытолкнули машину из ямы. Перед этим они ее обыскали. Вытащили мертвого пулеметчика и положили к остальным. Ничего особенного не нашли. Ни карт, ни документов. На трупах нашли бумаги, из которых стало ясно, что весь экипаж состоял из моряков. Крепкий мужественный народ. Отличные, абсолютно непримиримые бойцы.

Вездесущий Лавочкин вытащил из броневика двадцать не расстрелянных пулеметных лент и десяток гранат. Вот это действительно настоящая добыча.

Примерно час мы ждали артиллерийскую упряжку. Рота заняла позиции на окраине деревушки на всякий случай. Но красные не подавали никаких признаков активности. Неожиданная тишина накрыла нас. Медленно падал снег. Крупные новогодние хлопья. Ни ветерка, ни звука. Мне показалось, что время остановилось.

Приехали артиллеристы, подцепили броневик и потащили в тыл. Поручик Алексеев уселся верхом на башню и отсалютовал нам, проезжая мимо, сохраняя при этом каменное спокойствие.

Построив роту в походную колонну, я двинулся следом. Тишина, мягкий пушистый снег, засыпающий устало бредущую роту и полураздетые трупы красных бойцов, разбросанные повсюду, абсолютно мертвая деревня. Все это я уже видел много раз, но никогда так отчаянно не хотелось застрелиться. Именно сегодня, шагая в голове колонны из только что лихо захваченной деревушки на основные позиции, я понял всю тщетность наших усилий. Завтра я опять с боем возьму эту точку, которой нет ни на одной карте, и завтра же опять отдам ее без боя. Я гоню от себя мысль о нашем поражении, но она преследует меня все неотступнее. Мы измотались, выдохлись и, что хуже всего, не понимаем, в чем смысл этой бесконечной череды наступлений и отступлений последних дней. Уверен, многие думают так же, но вслух еще не говорят. Если офицеры начнут обсуждать действия командования, тогда конец дисциплине и конец всему вообще.

Вернулись в расположение, выставили охранение. Солдаты разошлись по хатам отдыхать. Меня ждала неприятная новость от комбата Павлова. Через час я собрал всех офицеров роты – командиров взводов и начальника пулеметной команды, поблагодарил за великолепно проведенную атаку и объявил им, что отныне наш батальон будет действовать вразбивку вместе с корниловскими ротами.

Это произошло потому, что после нашей неудачи под Кромами полковник Наумов был отстранен от командования Третьим генерала Маркова полком командиром нашего сводного отряда полковником Пешней. В этот сводный отряд входят наш полк, Черноморский конный полк, корниловские части. Временно командование принял поручик-корниловец Левитов Михаил Николаевич, правая рука Пешни, до недавнего времени командир первого батальона 2-го полка Корниловской дивизии. Герой орловского штурма.

Пока я говорил все это, на лицах офицеров читалось недоумение. Что за бред? Корниловцы, конечно, отличные бойцы, но марковцы не хуже. Что это за тактическая находка – мешать меж собой части даже не из разных полков, а из разных дивизий? Мы хоть и бьемся за

одно дело, но в бою важнее всего внутренняя спаянность частей. Каким образом комбат будет руководить в бою батальоном, в котором две роты марковские, а две корниловские? Я заранее знал все эти вопросы, которые они хотели бы мне задать. Но офицеры молчали, ожидая моего сколько-нибудь удобоваримого объяснения. У меня его не было.

– Господа офицеры, не ждите от меня каких-то дополнительных слов и объяснений. Наша задача – выполнять поставленные задачи. Я бы хотел, чтобы вы спокойно восприняли предстоящее распыление полка. Уверен, это ненадолго. Помните, мы вместе делаем одно дело. Никаких обид, господа. Внутренняя распря – идиотизм в нынешних условиях.

В этот момент распахнулась дверь, вошел поручик Семенюшкин, отряхивая с себя снег и чертыхаясь. Он посмотрел на наше сборище, сразу все понял, улыбнулся и признался:

– Я как раз к вам, господин капитан, по тому же вопросу. Хотел узнать ваше мнение. Но вижу, вы уже все обсудили. Мои офицеры высказываются крайне нелицеприятно по этому поводу. А ваши?

Короткая пауза. Первым расхохотался прапорщик Данилов. Затем засмеялись все остальные. Всеобщий хохот, мне показалось, качнул хату. У Лавочкина брызнули слезы, он бил себя по коленкам, давясь от смеха.

– Тихо, тихо, – перекрыл я уже гаснущий смех командным голосом. Откровенный разговор закончился. Офицеры встали, надели шинели, откозыряли и ушли.

Семенюшкин устало присел за стол, не раздеваясь, положил рядом фуражку и варежки, он терпеть не мог перчатки. Он был измотан до последней степени, как и я. Так же, как и я, он был раздражен всей этой непонятной суетой вокруг ненужной перестановки войск. Поручик был зол, хотя из последних сил пытался скрыть это:

– Послушайте, Иван Павлович. Дело обстоит так. Завтра придут две корниловских роты на поддержку и укрепление. А рано утром послезавтра, в пять часов, если обстановка не изменится, намечается общее наступление нашим отрядом. Надо сбить латышскую бригаду, которая нависает у нас на правом фланге. Наши фланги будут прикрыты кавалерией, что стало непозволительной роскошью в последнее время.

– Это точно, – согласился я. – Людей на конях верхом и с шашками в руках в последнее время я вижу только с красной стороны. Они горят желанием порубить наш полк, и в особенности мою роту, на очень мелкие кусочки.

Семенюшкин долго распространялся на счет нынешних совершенно непонятных обстоятельств. Я послал нового ординарца, рядового Бабкова, с запиской к прапорщику Лавочкину насчет самогону. Лавочкин прибыл сам с четвертью. Нет, мне понятно, что самогон для него добыть – пара пустяков, но где он взял эту великолепную огромную бутылку?! Я посмотрел с ужасом на этот стеклянный замок, а Семенюшкин с восхищением подтвердил мои мысли:

– Прапорщик, ваши способности отнюдь не военные, но совершенно необыкновенные. Слух уже по всему полку идет. Не знал бы ваши военные заслуги, подтвержденные господином капитаном, не поверил бы, что такое возможно.

Лавочкин в смущении потупил глаза. Потом поставил бутылку на стол и достал из вещмешка увесистый кусок сала, полбуханки ржаного хлеба, четыре вареных картофелины и соль в тряпочке. Поймав мой удивленный взгляд, смущенно ответил:

– Отец у меня пил редко, но всегда до потери сознания, а мамаша всегда говорила: «Закусывай, дольше проживешь».

– Прожить долго, – это надо суметь в нынешних обстоятельствах. Но ваш оптимизм, прапорщик, великолепен. Наливайте, да пойду я назад, – сказал Семенюшкин, аппетитно потирая руки.

Лавочкин разлил самогон по нашим жестяным кружкам.

Я вдруг подумал: а пил ли я когда-нибудь спиртное из полагаемой ему посуды – из хрустальной или хотя бы из стекла? Мне было восемнадцать, когда я попал на Великую войну. Вели-

кая война незаметно превратилась для меня в Гражданскую. Там, в окопах, я пил из жести, из железа, из чугуна. Здесь я пил тоже из чего попало. Я помню, как отец подымал бокал с шампанским на Новый год, как мама чокалась с ним, помню, как сослуживцы отца пили водку маленькими рюмками, как мой двоюродный брат, который старше меня на семь лет, пил коньяк с ними, как дядя и тетя, которые не пили коньяк, пили вино в нашем доме большими фужерами... Все это я помню, но себя я помню только с оловянной кружкой в руках, в которую налита водка, спирт или самогон.

Самогон Лавочкина оказался вовсе недурен на вкус. Выпив по одной, мы все трое переглянулись, и поручик Семенюшкин опять сказал:

– Ну, давайте еще по одной, да я пойду.

Лавочкин с готовностью разлил по кругу. После этой порции он немного осмелел и решился вставить слово. Прокашлялся и сказал задумчиво и чуть мечтательно:

– Хорошо, как будто и никакой войны нет. Как будто в атаку мы сегодня не ходили.

Я подумал в этот момент, что воюю бок о бок с этими людьми всего-то дней десять, не больше, но кажется, как будто десять лет. Я почти ничего о них не знаю, кроме имен и званий, но уже привык к ним. Так было не раз. С весны 18-го года, с того момента, как я вступил в Добрармию, точно такая же мысль посещала меня множество раз. Я думал так же о других людях, что они близки мне, они мои товарищи по оружию, но это все, что я о них знаю. Потом их убивали, они пропадали без вести, их ранили, переводили в другие части, меня переводили в другую часть, снова вокруг меня были новые люди, снова я к ним привыкал и снова их терял. Ни прошлого, ни настоящего. Сплошное кровавое сегодня.

– Расскажите о себе, прапорщик, – попросил я Лавочкина.

– А что рассказывать, господин капитан. Я как все. Родился, крестился, жениться не успел, родители купеческого рода, богатую лавку держали в Саратове. Убили их красные, магазин разграбили. Вот я в Добровольческой армии и оказался. В Великую войну повоювать не пришлось. В конце 17-го я еще юнкером был на ускоренных курсах в Александровском военном училище. В Москве участвовал в октябрьских боях, потом добрался до Дона, вступил в Добрармию. За отличия в боях произведен в прапорщики два месяца назад. Сестра у меня есть, Алевтина, так ее, слава богу, родители, пока живы были, отправили учиться в Париж. Назад, как вы понимаете, она уже не вернулась. И хорошо, мне спокойней. Разыщу ее, может быть, когда-нибудь, когда красных разобьем. Вот и вся моя короткая жизнь. Больше рассказывать нечего.

– Это точно, – заметил Семенюшкин. – За последние два года никто из нас не видел ничего такого, чего не видел бы другой. А ведь до войны я столько анекдотов знал. Теперь все забыл. А те, что помню, кажутся глупыми и несмешными.

– Да-да, – подхватил Лавочкин. – Вот меня спроси, что я помню, – только войну и помню, и ничего больше. А она так надоела, что еще и разговаривать о ней ну никакого желания нет. И все-таки, как вы думаете, господин капитан, победим мы или нет?

– Победим, – солгал я.

– Ну, Бог троюшку любит, – намекнул поручик Семенюшкин, – да я пойду.

Мы выпили по третьей, и на этот раз он действительно встал и откланялся. Лавочкина я тоже отправил к себе – мы все очень устали за этот день. Он хотел оставить бутылку, но я отказался:

– Признаюсь вам честно, прапорщик, алкоголь на меня наводит меланхолию, а нам сейчас в отчаяние впасть ну никак нельзя. И вы тоже не увлекайтесь. Да, в общем, зачем я вам это говорю. Вы и сами все знаете.

Я вышел его проводить. Во дворе стоял Бабков и курил. Увидев нас, бросил козью ножку в снег и вытянулся по стойке смирно.

– Вот что, прапорщик, налейте-ка вы этому bravому солдату, он сегодня это заслужил. Рядовой Бабков, вы самогон пьете?

– Что ж я, не солдат, что ли? – бодро ответил тот.

Лавочкин налил ему стакан до краев. Бабков аккуратно с достоинством принял его, поднес ко рту, понюхал, оценивающе качнул головой и выпил в два глотка, не уронив ни капли. Умелец.

18 октября 1919 года. Бабков хороший солдат. Дисциплинированный, упредительный, даже, можно сказать, веселый. Но что-то в нем не так. То ли он не может понять, где находится, то ли не может с этим смириться, то ли, наоборот, пытается примириться с этим. Но в любом случае он мучается, и это видно. И это мне не нравится. Если бы он не спас мне жизнь, я бы давно отдал его в контрразведку. Но контрразведка неизвестно где в отличие от большевистской ЧК, которая действует прямо в прифронтовой полосе. Я подумал: вот если бы я попал к красным и решил скрыть свое имя и звание, чтобы меня не расстреляли, и присоединился бы к красным, чтобы выжить, как бы действовал я? Стрелял бы я в своих? Нет, никогда. Поэтому не могу подумать, что Бабков стреляет в бывших своих, не отказавшись от них полностью. Либо я прожил слишком мало, либо размеры сундука, в который вмещается человеческая подлость, настолько огромны, что мне трудно их представить. Не могу я понять, почему я не верю своему новому ординарцу. В нем точно что-то не так. Попробую поймать его на этом. Лучше будет, если я поймаю его, хуже будет, если вся рота попадется благодаря ему.

На этом дневник капитана Корнилова обрывался, больше записей не было, хотя чистые страницы оставались. Никита долго сидел перед раскрытой тетрадь, пытаюсь примириться с действительностью. Искренность капитана Корнилова не оставила ему выхода. Капитан Корнилов дошел до конца и не отступил. Сержант Корнилов поступит так же. Но капитан Корнилов сражался не в одиночку – с ним была его рота, его полк, его дивизия. Никите нужны союзники. Он взял телефонную трубку и набрал номер Митиноного мобильного.

* * *

– Слушай, Никита, я тебя нанял для чего? Чтобы ты мне помогал в особых случаях. Этот случай еще не наступил, а ты первый приходишь за помощью. – Митя ходил из угла в угол своего кабинета, нервно потирая руки.

Никита сидел в кресле и водил взглядом за его перемещениями:

– Я к тебе не за помощью пришел. Я твой друг. Ты много раз говорил об этом. И я тебе предлагаю совместное предприятие. Дело для людей, которые доверяют друг другу.

– Ты предлагаешь неприятности. Судя по тому, что ты рассказал, ты перешел дорогу серьезным людям. – Митя перестал перемещаться и присел на край своего стола. – Я должен посоветоваться с папой. Такие вопросы просто не решаются. Послушай, а мы что, с лопатами будем где-то что-то копать? Это смешно.

Никита, не желая терять союзника, политкорректно заметил:

– Смейся сколько угодно, ты участвуешь в деле или нет?

– Да. – Митя поднял руки, сдаваясь на милость победителя. – Исключительно для того, чтобы посмотреть, как ты будешь с лихорадочным блеском в глазах бегать по неизвестной тебе территории и взрывать ее. А я с бутылкой пива в руках буду хохотать над тобой. Потом мы вернемся в Москву и снова будем монотонно ломать и строить.

Они вместе рассмеялись. Никита похлопал своего друга по плечу и пошел к двери. На полпути обернулся и напомнил:

– Ты слово дал. Помни об этом.

– Договорились. Ты, главное, не забывай на работу выходить вовремя, искатель приключений, – мстительно кинул вслед Митя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.